

ДЖИНН КАЛОГРИДИС

Князь Вампиров

КНИГА-ЗАГАЛКА КНИГА-БЕСТСЕЛЕР

Джинн Калогридис

Князь вампиров

Серия «Дневники династии Дракула», книга 3

OCR Денис, вычитка Анна (ann-diam@yandex.ru)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159323

Джинн Калогридис. Князь вампиров: Эксмо, Домино; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-23863-7

Оригинал: JeanneKalogridis, "Lord of the Vampires"

Перевод:

И. Б. Иванов

Аннотация

Без малого тридцать лет прошло с тех пор, как голландский врач Абрахам Ван Хельсинг вступил в схватку с вампирами. За это время произошло много страшных событий: мир вампиров отнял у него малолетнего сына, погубил брата и подчинил своей воле жену. Но и у графа Дракулы, князя вампиров, потери немалые. А ведь каждый уничтоженный доктором вампир делает трансильванского затворника слабее. Но граф Дракула не намерен сдаваться. Он завладевает старинным манускриптом с описанием ритуала, сулящего мировое господство. Осталось лишь найти ключи, о которых упоминается в манускрипте. Поиски приводят князя вампиров в Англию...

Содержание

Благодарности	5
От автора	7
Предисловие	8
Глава 1	48
Глава 2	50
Глава 3	75
Глава 4	102
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Джин Калогридис

Князь вампиров

Этот том трилогии я посвящаю памяти своей матери Джеральдины Марии Палвер, родившейся 8 августа 1923 года и скончавшейся 27 июля 1995 года, а также памяти моей сестры, Нэнси Эллен Диллард, которая родилась 23 сентября 1952 года и покинула наш мир 1 февраля 1994 года

Благодарности

Выражаю самую искреннюю признательность целому ряду замечательных людей и с удовольствием называю их имена.

В первую очередь благодарю редактора издательства "Делл" Джекоба Хойе за его исключительное терпение и такую же исключительную доброту. Рукопись третьего тома появилась у него на столе с чудовищным опозданием, и Джекоб вместе с литературными и техническими редакторами работали в сумасшедшем темпе, чтобы книга поскорее оказалась на прилавках магазинов. Ему и всем остальным самоотверженным сотрудникам "Делл" приношу свои смиреннейшие извинения и выражаю готовность принять тридцать ударов плеткой-"кошкой", оставляя за ними выбор времени и места экзекуции.

Огромное спасибо доктору философии Элизабет Миллер – одному из крупнейших специалистов по Дракуле и просто замечательному и душевному человеку. Она не только снабдила меня ценными сведениями о "безумном злодее Владе", которые помогли мне написать пролог, но и сама написала великолепное вступление к третьему тому.

Сердечно благодарю свою сестру по перу – романистку Шерри Готтлиб за дружбу и оригинальную концовку книги.

Особое спасибо моему брату Курту Румлеру, ибо это с его

легкой руки началась моя "вампирская эпопея". Не кто иной, как Курт, двадцать восемь лет назад в сент-питерсбургском отеле "Маринер" сунул мне в руки экземпляр стокеровского "Дракулы" и сказал: "Девочка, а прочти-ка вот *это...*"

Я безмерно признательна моему литературному агенту Рассу Галену. Боже мой, что бы я без тебя делала, Расс? (Без шуток, денег было бы значительно меньше, зато проблем и головной боли – несравненно больше.)

Но самую сердечную, самую искреннюю благодарность я приберегла для моего мужа Джорджа, с которым вот уже восемнадцать лет мы идем по жизни рука об руку. Честное слово, Джордж, я не смогла бы закончить эту книгу без твоей душевной и профессиональной поддержки. (Не скрою, я постоянно подворовывала твои идеи, но ведь и гонорары я не зажимала, правда?) Я безумно люблю тебя за то, как ты умеешь "по-гречески" смотреть на меня, за твой ум, парадоксальное чувство юмора, тепло, обаяние, щедрость и неиссякаемое желание меня баловать. Никогда и ни с кем я не чувствовала себя такой любимой, как с тобой.

Джинн Калогридис

От автора

Поскольку Элизабет Миллер слишком скромна, чтобы заниматься саморекламой, несколько слов о том, кто же она такая. Доктор Миллер – президент канадской секции «Трансильванского общества Дракулы», один из крупнейших экспертов по всему, что связано с Владом Цепешем и Дракулой, а также автор многочисленных исследовательских публикаций в этой области. На Всемирном конгрессе исследователей Дракулы, проходившем в 1995 году, румынские участники присвоили ей титул «Баронессы дома Дракулы». В 1997 году, когда в Лос-Анджелесе отмечали столетний юбилей первого романа о Дракуле, Элизабет Миллер была в числе устроителей этого торжества.

Предисловие

«Князь вампиров» – завершающая книга трилогии «Дневники династии Дракул», как и две предыдущие, построена на переплетении исторических фактов, легенд и фантазии автора. Трилогия Джинн Калогридис существенно раздвигает рамки повествования, начатого Брэмом Стокером в его романе «Дракула», ибо первые две книги «Дневников» являются своеобразным «предисловием» к событиям, описанным в стокеровском произведении, а третья идет с ними в параллель. Трилогия значительно расширяет знакомый сюжет, внося в него смелые, неожиданные повороты и отвечая на вопросы, на которые роман Стокера ответа не дает. Например: почему Абрахам Ван Хельсинг с таким неистовым упорством много лет подряд охотился за Дракулой? Что же на самом деле произошло с женой и сыном этого добропорядочного голландского врача и ученого? Откуда в трансильванском замке Дракулы вдруг появились вампиры? Кем был неуловимый Арминий? Но важнее всего то, что трилогия описывает предысторию самого графа Дракулы, устанавливая взаимосвязь между вампиром из романа Стокера и валашским господарем пятнадцатого века, известным под именем Влада-Колосажателя, а также под именем Дракулы. В произведении Джинн Калогридис не в первый раз (и, конечно же, не в последний) граф и средневековый воевода сли-

ваются воедино (такое происходило не только в литературе, но и в фильмах). Попытаюсь вкратце рассказать о причинах и природе этого интригующего слияния.

Несмотря на внимание, уделяемое Владу III румынскими и западными историками, личность его до сих пор остается загадкой. Даже его имя и то является предметом разногласий. Хотя есть немало свидетельств тому, что сам он называл себя "Дракула" (или "Дракул"), что нашло отражение в ряде документов пятнадцатого и шестнадцатого столетий, многие румынские историки по-прежнему настаивают на отнюдь не лестном прозвище "Цепеш" (по-румынски "Колосажатель"), которым наградили Влада турецкие летописцы. Историкам, пытающимся воссоздать его жизнь, приходится просеивать изрядное количество документальных источников, повествующих о жестокости Влада. Большая часть этих документов имеет явно пристрастный, тенденциозный характер. В равной степени нельзя назвать объективными румынские легенды и устные сказания, живописующие Влада III героем и патриотом. Версии о ключевых событиях его жизни противоречат друг другу, в основном это касается обстоятельств его убийства и места захоронения. Но невзирая на обилие исторических противоречий и конфликты точек зрения исследователей, все сходится в одном: каким бы ни был в действительности Влад III, нигде нет и слова о том, что он – вампир (или что его считали таковым). Такими кровожадными наклонностями его наделил не кто иной, как Брэм Стокер, ре-

шивший дать своему герою имя "Дракула". Кстати, это всегда вызывало недовольство многих румын, считающих, что стокеровский роман очерняет одного из их национальных героев.

Здесь возникает справедливый вопрос: насколько стокеровский граф Дракула аутентичен своему прототипу – Владу Колосажателю? Хотя сегодня для множества читателей и зрителей их сходство не вызывает сомнений, в действительности же оно носит более чем умозрительный характер. К настоящему времени точно известно, откуда Стокер позаимствовал имя "Дракула". Из личного архива писателя, хранящегося в Розенбаховском музее (Филадельфия), мы узнаем, что в марте 1890 года Стокер уже начал работу над романом и даже выбрал, как будет зваться его кровожадный герой – граф Вампир¹. Известно также, что летом того же года, во время отдыха в Уитби, писатель случайно натолкнулся на имя Дракула. Это произошло в местной публичной библиотеке, где Стокеру попала на глаза книга Уильяма Уилкинсона «Описание провинций Валахии и Молдавии», изданная в 1820 году. Там вкратце упоминается некий «воевода Дракула» (которого, кстати, автор нигде не называет Владом), переправившийся через Дунай и напавший на турецкие войска. Однако внимание Стокера привлекли не эти несколь-

¹ У Стокера имя этого графа писалось Wamprug, видимо, чтобы подчеркнуть разницу с англоязычным написанием слова «вампир» (vampire). – Здесь и далее примеч. пер.

ко фраз, а данная Уилкинсоном сноска: «На валашском наречии „Дракула“ означает „дьявол“». К этому утверждению Стокер добавил отрывочные сведения по румынской истории (их источники скрупулезно перечислены в рабочих материалах писателя)... Так на свет родился стокеровский граф Дракула. Подчеркиваю: Уилкинсон – единственный известный Стокеру источник, где упоминается имя Дракулы. Все остальное – исключительно предположения.

А их немало, причем из некоторых делаются далеко идущие (и совершенно неоправданные) выводы. Например, высказывались предположения, будто Стокер заимствовал способ расправы с вампирами (нанесение удара колом в сердце) у Влада, сажавшего своих врагов на кол. Пристрастие душевнобольного Ренфилда к измывательству над насекомыми и мелким зверьем тоже якобы перекликается с любимым развлечением Влада, когда тот находился в венгерском плену. Отпугивание графа Дракулы и прочих вампиров священными предметами (прежде всего золотым распятием) связывают с тем, что Влад предал православную религию, приняв католичество. Все эти заключения (до сих пор не нашедшие подтверждения) строятся на предположении, что Стокер знал про Влада гораздо больше, чем вычитал у Уилкинсона. Другими источниками сведений называют венгерского профессора Арминия Вамбери, а также собственные изыскания Стокера, предпринятые писателем в Британском музее (и профессор, и музей косвенно упоминаются в романе).

Немало написано и о том, что Стокер, возможно, учился у Вамбери. Утверждается, будто именно Вамбери снабдил писателя сведениями о Трансильвании, познакомил с легендами и сказаниями о вампирах, а также показал ряд документов пятнадцатого века, касающихся Влада. Но при этом все доказательства подобной учебы – исключительно косвенные. Доподлинно известно, что Стокер и Вамбери по меньшей мере дважды встречались. У нас есть письменное свидетельство их знакомства (Стокер упоминает об обеих встречах в своей книге "Личные воспоминания Генри Ирвинга", вышедшей в 1906 году). Однако писатель нигде не обмолвился о том, что они с Вамбери беседовали о Владе, вампирах или Трансильвании. Ван Хельсинг в романе Стокера учится у таинственного мага по имени Арминий (естественно, многие считают это данью уважения Вамбери). Многим хотелось бы видеть в венгерском ученом наставника Стокера (параллельно тому, как маг Арминий был наставником Ван Хельсинга). Гипотеза заманчивая, но опять-таки ничем не подкрепленная.

Брэм Стокер действительно занимался в Британском музее, но нет доказательств, что ему удалось обнаружить какой-либо дополнительный материал об историческом Дракуле. Высказывалось огромное количество голословных предположений касательно того, что Стокер, возможно, познакомился с одним из немецких сочинений пятнадцатого века, посвященным Владу Колосажателю, которое сопровож-

далось ксилографическим портретом Влада и заголовком: "Удивительная и пугающая история о великом кровожадном воине по имени Дракула". Ряд исследователей убеждены, что Стокер сделал своего Дракулу даже внешне похожим на Влада. Но опять-таки доказательств тому нет. Скорее всего, Стокер нарисовал словесный портрет Дракулы по описаниям злодеев, встречающимся в средневековой германской литературе. Весьма возможно, что облик вампира был подсказан писателю его издателем Генри Ирвингом.

Ван Хельсинг в романе Стокера рассуждает: "Должно быть, граф Дракула и есть тот самый воевода Дракула, получивший это прозвище от турок". Да, именно так. Но здесь важно отметить следующее: писатель нигде не называет своего героя Владом. В романе нет ни слова о знаменитой жестокости Влада и о его излюбленном способе казни – сажании на кол. И тогда возникает вопрос: почему же Стокер – писатель, который пользовался данными из самых разных источников, порою черпая оттуда малозначительные и сомнительные сведения, – игнорировал столь впечатляющую возможность сделать своего героя-злодея еще рельефнее? Одно из двух: либо Стокер знал больше, однако предпочел не включать эти сведения в свой роман, либо он в полной мере задействовал все известные ему факты. Сама я склоняюсь ко второму предположению, ибо серьезных доказательств в пользу первого, как уже говорилось, пока нет. Достоверно мы знаем лишь то, что Стокер обнаружил у Уилкинсона имя

"Дракула", которое ему понравилось и которым он решил назвать своего героя.

Переплетение фактов и выдумки – малопочтенное занятие для ученого-историка, зато в работе писателя, обладающего живым воображением, оно дает удивительные результаты. Поскольку сегодня нам известно о Владе Колосажателе гораздо больше, чем во времена Стокера (в первую очередь, благодаря исследованиям Раду Флореску и Реймонда Мак-Нелли), нас перестало поражать, что граф и воевода слились в один персонаж. Наиболее ярко это показано в фильме Фрэнсиса Форда Coppola, поставленном в 1992 году по стокеровскому "Дракуле". Но связь между графом-вампиром и его историческим прототипом наличествует и в более раннем фильме Дэна Кертиса "Дракула" с Джеком Палансом в главной роли. Примеры упомянутого слияния в художественной литературе еще более многочисленны. Назову лишь несколько произведений: "От рождества Дракулы" и "Кроваво-красный барон" Кима Ньюмэна, "Дети ночи" Дэна Симмонса, трилогию "Дракула жив!" Питера Тремейна, "Дракулия" Эрла Ли и трилогию Джинн Калогридис. Вымысел сделал Влада тем, кем он никогда не был в жизни, – вампиром. Но этот же вымысел принес ему (наравне с его вымышленным двойником) бессмертие.

Элизабет Миллер, профессор английского языка и литературы Мемориального университета провинции Ньюфаундленд (Канада)

Пролог

ЗАПИСАНО РУКОЮ ВЛАДА III, ГОСПОДАРЯ ВАЛАХИИ

*Бухарест, дворец-крепость Куртя Домняска, 28 декабря
1476 года*

Одного взгляда за окно достаточно, чтобы понять: скоро выпадет снег. Похолодало, небо затянули свинцовые тучи, закрыв солнце. А воздух жжется, словно из него вот-вот вырвется молния. Он щиплет кожу.

Мы ждем.

Он приближается... Басараб движется на Бухарест...

Иногда я отрываюсь от пергамента и поглядываю на лицо своего "верного сподвижника" Грегора. В неверном свете факелов он выглядит еще более встревоженным. Я прячу улыбку. Грегор – сын знатного румынского боярина. Наши лица похожи: узкие, с орлиными носами. Над нашими глазами нависают тяжелые веки, а иссиня-черные волосы доходят нам до плеч. Даже рост у нас почти одинаков. Ничего удивительного: ведь мы с ним – отдаленная родня.

На этом сходство заканчивается. Ума от предков Грегору явно не досталось. Как глупо он ведет себя, то и дело отодвигая тяжелые занавеси, чтобы посмотреть в окно. Он глядит на город, раскинувшийся внизу, на высокие, крепкие стены, возведенные по моему приказу. На то, что за стенами (вернее, что скоро должно там появиться). Грегор думает, будто я не знаю.

В самое ближайшее время сюда вторгнется Лайота Басараб с четырьмя тысячами турок, дабы убить меня и захватить трон, который я лишь недавно себе вернул. Моих людей наберется едва ли две тысячи, остальные мои защитники вернулись на север, в родные края.

Предатель на подходе...

Ах, Грегор, ты ведь тоже весьма искушен в тонкостях предательства. Разве не так? Ты раболепно заглядываешь мне в глаза, зато я смотрю прямо в твое сердце. Я слышу твои мысли. Ты клялся в верности мне, своему воеводе, но ты столь же переменчив, как и все бояре. Они вновь готовы отдать родину в руки Басараба – этого любимчика турок, – только бы выторговать себе мир.

Все это я узнал вчера ночью от Владыки Мрака, когда находился внутри Круга. Я не сомневаюсь в правдивости слов Владыки, ибо с недавних пор приобрел способности, недоступные остальным смертным. Я научился читать в мыслях и сердцах людей. Пока Грегор беспокойно расхаживает перед занавешенными окнами, я вижу его вину с такой же отчетливостью, как буквы на пергаменте.

Я и сам знаком с предательством не понаслышке – меня предавали, и не раз. Первым предателем оказался собственный отец. Когда мы с братом были еще детьми, он отдал нас в заложники турецкому султану. А позже меня предал мой белолицый братец Раду, не брезгающий ни женщинами, ни мужчинами и обожающий султана Мехмеда. За это султан

помог ему сбросить меня с трона.

(Ну и каково тебе теперь на том свете, мой дорогой младший брат? Твои подлые делишки принесли тебе расположение Мехмеда – ты получил от него солдат и мое государство. Но тебя все-таки убили. Твои прекрасные голубовато-зеленоватые глаза закрылись навсегда. Твои пухлые красные губы, которые так любили целовать женскую грудь и преданно лобзать султанский зад, уже ни к кому и никогда не прикоснутся. А чтоб ты не скучал, пусть к тебе поскорее присоединятся твои draжайшие турки-сифилитики!)

Меня предал даже самый верный друг – Стефан из Марэ, которому я помогал завоевывать власть. (Если тебе будет выгодно, Стефан, ты вновь станешь набиваться ко мне в друзья. Но я не забыл и не простил твоих ухищрений, расчистивших Басарабу путь к моему трону. Пока я принимаю твою помощь, дабы тебя снедало раскаяние. Только знай: время воздать тебе по заслугам скоро наступит.)

Какая тишина. Часовые на сторожевой башне словно растворились в ней. Только огонь трещит в очаге, да поскрипывает мое перо. Природа затаилась в ожидании снега. Грегор старается ступать бесшумно, но его сапоги все равно стучат по каменному полу. Меня забавляет его беспокойство, и я ни за что не позволю ему сесть. Час назад я велел Грегору:

– Отправляйся на конюшню и скажи, чтобы нам приготовили лошадей и провизии на день пути.

Как меня позабавил ужас в его глазах, который он не в

силах был скрыть! Еще бы: вдруг замыслы бояр рухнут?

– Куда мы отправимся, мой господарь?

Пребывай я в своем обычном состоянии, я бы лишь нахмурился и не удостоил его ответом (да и Грегор не осмелился бы спросить, не будь он в таком отчаянии). Но сегодня мне нравилось наблюдать за ним, и я сказал:

– Кататься верхом.

Кланяясь, Грегор задом попятился к двери, всем своим видом выражая недоумение. Я нарочито громким голосом добавил (чтобы слышала стража за дверями):

– И пошли сюда двоих стражников. Я не намерен ждать в одиночестве.

Они услышали мои слова и вошли, не дожидаясь, пока Грегор повторит им мое повеление. Двое стражников, двое великолепных сильных молдаван, вооруженных мечами, один черноволосый, как и мы с Грегором, другой златокудрый. Обоих я оставил подле себя в качестве живого напоминания о былом вероломстве Стефана. Разумеется, я мог бы ждать и один. Стражников я позвал на тот случай, если Грегор решит вдруг по пути вооружиться и, вернувшись, попытается напасть на меня.

Когда Грегор возвратился (его нос и щеки покраснели от холода) и доложил, что лошади будут готовы через час, я тут же дал ему новое поручение:

– Добудь одежду для нас и принеси ее сюда. Мы переоденемся турками.

Мои слова не на шутку его испугали (хорошо хоть, что не затрясся от страха). Неужели я прознал, что бояре послали Басараба и турок расправиться со мной и моей армией? Неужели я его подозреваю?

Я видел, как лихорадочно крутятся мысли в его предательском уме, как он прячет глаза. Но я пока никоим образом не выказал своих подозрений. Если бы мне понадобилось, стражники быстро прикончили бы Грегора. Нет, пусть томится неизвестностью. Пусть думает, что я затеял с ним эту смертельную игру, чтобы насладиться ею (только нужно ли мне это?). Одновременно пусть не теряет надежду – ведь я покидаю крепость вместе с ним, словно не ведая, что Грегор может стать моим Иудой.

Он ушел и вскоре вернулся, неся турецкую одежду: фески, халаты и шерстяные плащи. Под пристальными взорами молдаван Грегор помог мне облачиться. Я не стал надевать феску, а завернул на голове тюрбан.

– Эльмейе хазырмысын? (Ты готов умереть?) – спросил я его по-турецки.

Грегор бросил на меня косой взгляд. Языком врагов я владею столь же хорошо, как и родным. Ничего удивительного: мои детство и ранняя юность прошли во дворце султана. Я научился одеваться, как турки, усвоил их повадки и легко могу сойти за одного из воинов султана. Мне стало смешно: Грегор – турецкий прихвостень (тот, кто служит боярам, служит туркам), а ни единого слова на языке своих хозяев

не знает. Затем и он рассмеялся, обнажив пожелтевшие зубы (я только сейчас заметил, что усы у нас тоже одинаковые). Наверное, подумал, будто меня развеселил этот маскарад.

Затем я снял со стены кривую турецкую саблю, полюбовался, как блестит в пламени очага ее лезвие, после чего снял и ножны. Прикрепив саблю к поясу, я бросил Грегору:

– Переодевайся.

Он послушно разделся. Я с молчаливым одобрением смотрел на его худощавое, но мускулистое тело с широкими плечами и грудью. Ему не довелось сражаться столько, сколько мне, а потому и шрамов на теле было гораздо меньше. Зато Грегор умудрился потерять половину передних зубов.

Едва он перевоплотился в турка, в покои вбежал мальчишка-конюший и доложил, что лошади готовы. Но я не торопился. Я начал эту игру и буду играть до конца. Предстоящее путешествие станет последним, которое мне суждено совершить в обличье смертного человека. От Владыки Мрака я узнал время подхода Басараба. Он еще далеко отсюда. Пусть Грегор помучается! Пусть изведется в ожидании и томительной неизвестности. Переодетый турком, он продолжал беспокойно расхаживать, молясь, чтобы я передумал и остался здесь, где мне уготована верная смерть.

Если бы не стражники, Грегор попытался бы меня убить. Я знаю: как только мы отъедем от Бухареста, он воспользуется первой же возможностью. Но я готов к его вероломству.

Я ни в коем случае не должен погибнуть! Особенно сейчас, когда прикосновение Владыки Мрака, обещающее вечность, так близко...

* * *

Снаговский монастырь, 28 декабря

Оседлав черных коней, мы выехали из крепости и поскакали на север. Вначале наш путь пролегал вдоль берега Дымбовицы, затем по мерзлой земле мы въехали в Валашский лес, где голые стволы и ветви лиственных деревьев перемежались с зеленой хвоей сосен. В воздухе пахло дымом и приближающейся пургой. Я уловил еще несколько странных, мимолетных запахов: ударившей молнии, схлестнувшейся стали и крови на снегу.

Я скакал во весь опор, подставив лицо обжигающему ветру. Грегор ехал позади. Конечно, это было небезопасно, но он переодевался при мне, и я видел, что у него нет другого оружия, кроме меча. Если бы он сейчас решился на убийство, ему сначала пришлось бы меня догнать и сбросить с лошади, лишив возможности выхватить саблю. Должно быть, его испугал свирепый блеск моих глаз. Если так, что ж, ему есть чего бояться. Грегор мог бы незаметно повернуть назад и помчаться к своему обожаемому Басарабу, чтобы предупредить его о моем отъезде на север. Но тогда его предательство стало бы очевидным, а моя расправа с ним – неминуе-

мой. Нет, Грегор хоть и не блещет умом, однако не настолько глуп.

Мы продолжали ехать по затвердевшей глине, камням и пожухлой хрустящей листве, пока не добрались до берега большого озера. Вода успела замерзнуть, из припорошенного снегом сероватого льда кое-где торчали обломки сучьев. В центре, на острове, стоял монастырь-крепость Снагов. Из-за высоких стен, обрывавшихся возле самой воды, виднелись купола церкви Благовещения.

Я спешил и достал из ножен саблю. Мои действия заметно испугали Грегора (пусть подергается!). Я подвел коня к кромке льда и, небрежно улыбнувшись струхнувшему спутнику, произнес:

– Тебе незачем вынимать меч. Моя сабля надежно защитит нас обоих.

Кивком головы я указал ему на железные монастырские ворота и велел идти первым.

И вновь по его глазам я понял, что Грегор в мучениях принимает решение. Может, расправиться сейчас со мной и героем вернуться к Басарабу и туркам? Или искать случая убить меня уже внутри монастырских стен? А если по пути к воротам я сам его убью? (Ослушаться моего приказа он не смел – будучи господарем, я мог приказать любому подданному пойти впереди меня и проверить, насколько крепок лед.) Обнаженная сабля не давала ему покоя. Что это: одна из моих господарских выходок? А вдруг я раскусил его об-

ман?

На лице Грегора опять мелькнул страх. Как-никак, ведь я же Дракула, сын дьявола, отчаянный воин, чья безумная храбрость не знает границ. Однажды ночью я ворвался прямо к Мехмеду в лагерь и этой вот саблей поубивал не менее сотни сонных турок. Что, Грегор, прикидываешь, останешься ли в живых, если сейчас попробуешь напасть на меня?

Едва слышно вздохнув, он спешился, взял коня под уздцы и двинулся по льду. Мы неспешно шли к монастырю. Копыта коней звонко стучали по запорошенному зеркалу льда, поднимая облачка снежной пыли. Так мы добрались до толстой каменной стены, которой я в свое время опоясал остров, превратив скромную монашескую обитель в надежную крепость для хранения казны и сокровищ Валашского государства. Возле стены росли деревья. Их голые ветви бились о каменную кладку, словно умоляя пустить внутрь.

Со сторожевой башни раздался окрик заметившего нас дозорного. Сложив руки чашей, я приставил их ко рту и прокричал ответ. Мы приблизились к самым воротам, и потянулись томительные минуты ожидания. Грегор беспокойно переминался с ноги на ногу. Я намеренно выбрал место у него за спиной. Его поникшие плечи были красноречивее любых слов. Муторно было Грегору. И страшно. Виноватому всегда страшно. Мы стояли молча. Первые снежинки, кружась, падали мне на лицо и, будто холодные слезы, скатывались по щекам.

Наконец ворота заскрипели, поворачиваясь на ржавых петлях. Нас встретили двое вооруженных стражников, которые тут же согнулись в низком поклоне, увидев, что к ним пожаловал сам господарь Валахии. Одному из них я велел отвести наших лошадей на конюшню и распорядиться насчет трапезы для нас, а другому – идти вместе с нами якобы для того, чтобы протопить в покаях. Втроем мы двинулись по замерзшей глинистой дороге мимо высокой сторожевой башни, мимо церкви, к прекрасному дворцу, возведенному в лучшие дни моего правления. В мозгу пронеслась сердитая мысль: Грегор не заслуживает чести переступить порог его дворца, ибо он возведен потом и кровью моих благочестивых подданных. Дворец был для меня святыней, и я знал, что больше никогда его не увижу.

Однако я скрыл свои чувства и вместе с предателем вошел в знакомые покои. В мое отсутствие никому не позволялось здесь жить, а потому везде царил такой холод, что пар от нашего дыхания повисал в воздухе густым туманом. Мы прошли в трапезную. К ней примыкала комнатка размером с монашескую келью. Там было устроено нечто вроде молельни, и стену украшала икона с ликом Богородицы. Стражник – молодой, сильный парень – сразу же принялся растапливать очаг.

Я нарочито медленно снял тюрбан, отстегнул с пояса саблю, затем снял сам пояс и сложил все это поближе к очагу (и к стражнику), жестом велел Грегору последовать моему при-

меру. Он украдкой взглянул на мое оружие, потом на парня и, наконец, на меня. Грегор трусил и потому мешкал. Может, он и сумел бы убить меня сейчас, но живым отсюда не вышел бы. А Грегор не торопился прощаться с жизнью.

Я вновь подал ему знак, приглашая сесть за старинный дубовый стол (чувствовалось, что собственная трусость утонула в нем сильнее, чем дорога).

— Грегор, друг мой, — начал я, стараясь, чтобы мой голос звучал искренне и дружелюбно. — Хочу поведать тебе, зачем мы столь спешно покинули Бухарест и прискакали сюда. Видишь ли, мне понадобились... деньги. Вот я и пустился в путь, дабы пополнить запас. Даже в стенах Куртя Домняски я мало кому могу доверять. Сам понимаешь, почему я ни словом не обмолвился, куда и зачем мы едем. Вскоре мы двинемся назад, а пока давай отдохнем и подкрепимся.

Так оно и есть! Глаза Грегора жадно заблестели. Теперь ему будет не дожидаться, когда мы станем возвращаться и окажемся в Валашском лесу... Не дождется.

Вскоре дрова разгорелись, и в трапезной потеплело. Стражника я оставил при нас. Седобородый старик-монах принес угощение: холодную жареную курицу, хлеб, сыр и кувшин со сливовицей. Почти беззубым ртом он прощамкал приветствие. Надо сказать, старик достаточно проворно прислуживал нам за столом, наливая сливовицу в бокалы. Удивительно, что его сморщенные, пергаментного цвета руки со вздутыми синими жилами и скрюченными пальцами совсем

не дрожали. Удерживая тяжелый кувшин, он не пролил ни капли. Но еще больше мне понравилось, что этот монах совершенно не выказывал страха. Он не сгибался в три погребели перед грозным повелителем, а держался с молчаливым достоинством. Поведение старика разительно отличалось от многих глупцов из моего окружения, угодливо заглядывавших мне в рот. Возможно, отчужденность монаха объяснялась моим вероотступничеством. (Я несколько лет провел в Венгрии под домашним арестом. Единственным способом завоевать доверие короля Матьяша² и вернуть свой трон было обращение в католическую веру. С моей стороны это явилось не более чем политическим шагом. В Турции, например, я был вынужден расстилать молитвенный коврик, становиться на колени лицом к Мекке и молиться Аллаху. Однако народ не простил мне предательства «веры отцов».)

Может, чернь думала, что вместо этого я должен был выбрать смерть? Но смерть одинаково отвратительна, погибаешь ли ты мучеником за веру, или тебя просто убивают, как шелудивого пса. А я хотел жить.

Но, видно, старый монах был убежден, что я предал Господа и потому заслуживал Божьей кары, как Грегор заслуживал моего возмездия.

То-то удивился бы этот старик, узнав, что на самом деле я испытываю искренний страх перед Богом. Я боюсь Его, ибо

² Матьяш Хуньяди (1443 – 1490) – венгерский король. Вел борьбу с Османской империей.

знаю: Его сердце подобно моему – оно почернело от власти, но по-прежнему упивается возможностью решать, кто, когда и как окончит свой жизненный путь. И сердцу Бога приятны человеческие страдания.

Сердце Бога куда сильнее отягчено злом, нежели мое, и куда безжалостнее моего. Он умерщвляет молодых и старых. Ему все равно, кто перед Ним: мужчина, женщина или несмышленное дитя. Бог лишает жизни, не считаясь с обстоятельствами, убивает верных и предателей, умных и глупцов. Я же щажу невиновных и казню лишь тех, кто меня предал. Остальные пусть смотрят и запоминают, какая участь ждет предателей.

А Бог не церемонится. Он убивает и грешников, и праведников. Ему нет дела до набожности своих жертв. Да и справедливость, видно, Его не заботит. Скольким супостатам Он позволял править моими исконными землями. Ценою тяжких многолетних усилий я вернул себе трон, но Бог почему-то не пожелал помочь мне удержаться на нем. И посему у нас с Господом разные дороги. Сколько бы я ни молился, Он не дарует мне желанного бессмертия.

Впрочем, довольно про Бога. Вернусь к Грегору. Наша с ним "тайная вечеря" проходила в молчании. Когда же он, наевшись досыта, откинулся на спинку стула, не то вздохнув, не то рыгнув, я нарушил тишину и сказал:

– Друг мой, тяжело у меня нынче на сердце, ибо знаю, что трон подо мной вновь шатается. Бояре перекинулись на

сторону моих врагов.

Грегор изобразил искреннее недоумение и принялся было мне возражать, но я властно поднял руку, велев ему замолчать.

– Не думай, будто мне неизвестно об их замыслах. А сейчас, когда Стефан со своим войском ушел из Бухареста, мое положение стало еще неустойчивее.

На это ему было нечего возразить. Грегор знал, что я отослал жену и сыновей подальше от столицы, дабы не подвергать их жизни опасности. Внимательно глядя ему в глаза, я спросил:

– Грегор, не помолишься ли ты за меня? За сохранение жизни и успех своего господаря? Ты – человек благочестивый и набожный, а меня считают вероотступником и еретиком.

Я умолк, рассчитывая перехватить взгляд седого монаха, все еще готового, если понадобится, прислуживать нам (правда, он переместился поближе к огню, чтоб его старым костям было теплее). Но лицо старика (и то, что на нем написано) скрывал клобук. А может, монах был глухим и вообще ничего не слышал. Или, наоборот, слышал, но у него хватило ума не показывать своего недовольства – знает поди, что я скор на расправу.

– Давай, Грегор, помолись за меня Господу нашему и Пресвятой Деве.

Что оставалось этой змее? Он молча повиновался. Мы оба

встали из-за стола, и я повел его в молельню. Дверь ее была приоткрыта, и, даже сидя за столом, я мог видеть все, что происходило внутри. Остановившись на пороге, я перекрестился по православному обычаю (конечно же, монах это заметил), а Грегору велел войти внутрь и встать на колени перед иконой Богоматери. Небольшой коврик, покрывавший деревянный пол, напомнил мне мусульманские коврики, и я едва не усмехнулся.

Кряхтя, Грегор опустился на колени. Было слышно, как хрустнули его суставы (что ж, наши годы берут свое).

– Молись за нас, – тихо произнес я и махнул стоящему возле очага стражнику, чтобы тот взял меч Грегора и приблизился ко мне.

Вот он, коленопреклоненный Иуда. Мне хорошо был виден его профиль – как же Грегор похож на меня! Он вполне мог быть моим братом и... братоубийцей. Я следил за его обветренным горбоносым лицом с острым подбородком и видел, как под черными обвислыми усами дрожат тонкие губы. Я наслаждался зрелищем ужаса, разгоравшегося в его больших темных глазах (он всегда завидовал изумрудной зелени моих). Стражник стоял рядом со мною, держа меч наготове. Я вернулся за стол. Мне не впервой было посылать людей в эту молельню, но Грегору суждено стать последним в этом ряду. Глотнув сладкой, обжигающей сливовицы, я вновь обратился к предателю:

– Молись, друг мой. Молись за мое долголетие... и за по-

гибель тех, кто посмеет меня предать.

Грегор всхлипнул и молитвенно сложил руки. Не вставая с колен, он повернулся ко мне, смяв коврик.

– Мой повелитель! Клянусь, я не обманывал тебя!

Я в полной мере насладился его отчаянием, а затем с наигранным удивлением спросил:

– Разве я в чем-то тебя обвинил?

Его глаза стали еще шире, он заморгал и плотно стиснул дрожащие губы. Сумей он дать мне достойный ответ (и не будь я столь уверен в своем магическом чутье), я бы, возможно, пощадил его. Но я был убежден, что все увиденное мной в Круге – истина, и не сомневался в правильности своей ворожбы. Впрочем, тут и колдовства не надо: вина Грегора была сейчас написана у него на лице. Блеснув, по щеке моего "верноподданного" скатилась слезинка.

– Ого! – воскликнул я. – Никак молитва заставила тебя прослезиться?

– Повелитель, прошу тебя...

– Повернись лицом к иконе! – крикнул я, жестом велел стражнику повыразительнее взмахнуть мечом.

Меня не на шутку начало злить малодушие Грегора.

– Ты слышал, что я сказал? Лицом к иконе! Молись Богородице, чтобы даровала тебе милосердие, а мне – победу над Басарабом!

Грегор послушно сплел руки и вновь повернулся к лику Богородицы. Коврик, на котором он ерзал, сбился в сторону,

обнажив борозду в деревянном полу. Но мой незадачливый обманщик этого даже не заметил. Поднеся сомкнутые руки к самому носу и закрыв глаза, он забормotal слова молитвы:

– Боже милостивый, Пресвятая Богородица, явите ваше безграничное милосердие. Даруйте моему господину долгую жизнь и победу над врагами и укрепите его веру в то, что я его не предавал...

– Да, – достаточно громко прошептал я, – быть может, Бог и явит тебе Свое милосердие. Но со мною Он никогда не был милосердным, так что нам с Богом говорить не о чем.

– Владыка живота моего! – вскричал Грегор.

Глаза его оставались закрытыми, а лицо по-прежнему было обращено к иконе, и потому я не знал, к кому он обращается – к Богу или ко мне.

– Мой повелитель, я неповинен ни в каких преступлениях против тебя! Ну что мне сделать, дабы ты уверовал в мою преданность тебе?

– Храбро погибнуть, – ответил я. – Ты все равно обречен, Грегор. Так что молись, и поскорее. Я не собираюсь, подобно своему отцу, бесславно умереть от рук наемного убийцы где-нибудь в лесу под Бухарестом.

Грегор запрокинул голову, раскрыл руки, будто в них находилась книга, потом прижал их к глазам и зарыдал. Я внимательно следил, как он поведет себя теперь, когда все его надежды рухнули. Грегор был в полном отчаянии, казалось, он вот-вот свалится на пол. Его всхлипывания становились

все громче и истеричнее.

Всю свою жизнь я изучал смерть и, глядя ей в лицо, надеялся понять ее суть. Но я никогда не думал о своей смерти и не был готов смиренно принять собственную кончину. Сколько же человек я отправил на тот свет? Тысячу? Нет, намного больше. Я хорошо знаю лик смерти, я видел, как более сотни пленных турок медленно умирали на кольях в лесу. Я слышал их крики и стенания. Я ни с чем не спутаю звук, который издает живое еще тело, когда медленно сползает под собственной тяжестью вниз по колу. Этот звук напоминает тихий вздох.

Я вглядывался в глаза умирающих, надеясь вывести тайну перехода в небытие. Я хотел знать, что чувствовали эти люди, когда перед ними уже разверзлась бездонная пропасть.

Наблюдая все новых и новых избранников смерти, я понял: Бог отнюдь не справедлив и в самой смерти нет никакого потаенного смысла — только бесчестие и страдание. Я не хотел становиться одним из этих несчастных. Возможно, будь моя жизнь спокойной и счастливой, я бы по-иному относился к смерти. Но я слишком часто лишался всего, что принадлежало мне по праву. Меня свергли с трона и изгнали за пределы княжества, которым правили отец и дед. Вместо надлежащего воспитания и приобщения к государственным делам, я всю юность провел в плену у турецкого султана. Еще восемь лет полнокровной зрелой жизни прошли в плену у венгерского короля. Дважды меня свергали с трона

(один раз – по "милости" родного брата!). Теперь мне приходится оставлять трон в третий раз, но я щедро отплачу всем и за все. Я умнее и проницательнее многих. Я более достоин править своим народом, нежели Мехмед, Матьяш или Раду с Басарабом.

Никогда еще смерть не была столь близка ко мне, как сейчас. Только ни Бог, ни ангелы не исполнят моего желания и не сделают меня бессмертным. Но есть тот, в чьих силах даровать мне вечную жизнь.

* * *

Пока Грегор всхлипывал, тщетно моля Бога о пощаде, молоденький стражник (борода на его розовых щеках больше напоминала мальчишеский пушок) обернулся ко мне и просительно помахал мечом. Из этого парня выйдет великолепный убийца. Я понял это по его глазам – они горели желанием расправиться с гнусным предателем. Наши желания совпадали.

Я едва заметно покачал головой: рано. Поднявшись, я направился к своему усердному юному помощнику, стараясь как можно громче стучать каблуками по полу. Мой расчет оправдался: Грегор услышал шаги. У него одеревенела спина. Он чувствовал, что смерть вот-вот явится к нему в облике молодого стражника и нанесет удар мечом. Грегор не осмеливался повернуться ко мне лицом – он хорошо знал,

насколько чутко я ловлю малейший звук. Он боялся вызвать вспышку моего гнева, а потому лишь слегка склонил голову к плечу и закатил глаза, стараясь увидеть, что происходит за спиной.

Таких побелевших от страха глаз я еще не видел. Мне они напомнили выпученные глаза быка, которого гонят на убой.

– Повелитель... господин мой... ты убиваешь невинного!

– Да ну? – спросил я, вернув спокойствие своему голосу. – Грегор... – Теперь мой голос был сама искренность. – Я – жестокий человек и лжи не прощаю. Я безжалостно расправляюсь с предателями, но справедлив к тем, кто мне верен. Можешь ли ты поклясться перед Богом, что был верен мне всегда и во всем? Мне, своему господину?

– Клянусь перед Богом, мой повелитель!

Я помолчал, разглядывая его лицо, на котором обреченность боролась с надеждой. Выждав достаточно, я сказал:

– Что ж, мой друг, с тебя довольно. Нынче время опасное: никому полностью доверять нельзя, даже своим приближенным. Но тебе я верю.

Его лицо зарделось от радости. Из глаз вновь хлынули слезы, на этот раз уже слезы счастья. Он решил, что прощен, и приготовился подняться с колен.

– Однако, – продолжал я, одним жестом пригвоздив его к месту, – ты едва не сорвался с узенькой тропки. Так что молись за мою победу над врагами и благодари Бога за свое

избавление.

Грегор принялся молиться. Его радостная улыбка стала еще шире, когда я велел стражнику отойти к очагу (чем немало огорчил парня) и встать рядом с молчаливым угрюмым монахом. Сам я оставался у входа в молельню. Как же быстро этот жалкий трус поверил, что спасен. Грегор полностью утратил бдительность. Кому и когда я прощал предательство? Меня захлестнула волна гнева. Некоторое время я сдерживал ее, потом шагнул к стене и с силой потянул на себя небольшую деревянную рукоятку.

Мягко заскользили доски невидимой западни... Взмах рук, удивленный возглас Грегора, сменившийся воплем страха. Я успел заметить звериный ужас на его лице. В следующее мгновение он провалился в преисподнюю. Нет, он не сгинул бесследно. Я подбежал к разверстой западне, чтобы полюбоваться на дело рук своих. В ушах звенело от неистовых криков Грегора.

То же испытывает и Бог, глядя в мертвые лица: Он ощущает силу власти, которая сладостнее любви. А какое пьянящее чувство дает эта сила!

Грегор провалился в неглубокую яму, упав прямо на колени. Но коленопреклоненным он не умрет. Яма была устроена так, что острые металлические шипы, поставленные через равные промежутки, принуждали жертву опрокинуться на спину. (Тем лучше, мне будет видно его лицо.) Один шип, скрытый в длинных волосах Грегора, впился ему в череп,

отчего голова обреченного слегка наклонилась вперед, другой, окровавленный, торчал из правой половины груди. Торчащих шипов хватало: Грегор лежал на них подобно распятому Христу.

В его глазах застыло полнейшее недоумение, однако свет жизни в них быстро угасал. Полагая, что Грегор еще жив, я присел на корточки и тихо произнес, обращаясь к нему:

– Да отправит Бог твою нечестивую и мерзкую душу прямиком в ад! Сейчас умираешь ты. Пройдет время, умрет и Басараб, но я буду жить вечно.

Я склонился над Грегором и незаметно для монаха и стражника поднял безжизненную правую руку Грегора, на безымянный палец которой надел свое кольцо. Затем я выпрямился и велел стражнику встать на караул перед дверями трапезной. Когда парень вышел, я приказал старику, чтобы тот выбрал нескольких монахов помоложе и покрепче. Они должны будут отнести тело Грегора в Валашский лес и там обезглавить, а голову бросить под лед.

Охваченный страхом (ведь казнь Грегора свершилась у него на глазах!), старый монах молча поклонился и вышел. Возразить он не посмел, хотя представляю, сколь ненавистен был ему мой приказ – бросить обезглавленный труп на съедение хищникам.

Отправив монаха выполнять мое повеление, я позвал в трапезную ревностного юного убийцу.

– Я послал старика с несколькими монахами похоронить

тело где-нибудь в лесу. Поднимись на сторожевую башню и дожидайся их возвращения. Внутри ни в коем случае не выпускай. Встретишь их у ворот и убьешь всех.

У стражника заблестели глаза. Ему не терпелось выполнить мой приказ. Он уже был готов побежать на башню, но я велел ему вначале поставить у дверей трапезной другого надежного стражника, дабы никто не потревожил мой ночной покой. Я не хотел, чтобы монахи видели мою ловчую яму, и потому вместе со сметливым парнем мы подняли еще теплое тело Грегора (не знаю, может, он до сих пор был жив), а затем завернули в измятый им коврик (пятна крови на полу мне были ни к чему). Взяв тело за ноги, стражник выволок его из трапезной и остался дожидаться монахов.

Теперь мне никто не мешал. Я заперся изнутри и приготовился сотворить Круг. Я перехитрил Басараба, расправился с иудой Грегором, теперь пришло время ускользнуть от смерти. Оставаться обычным человеком было бессмысленно – погибель могла поджидать меня на каждом шагу. Я жаждал перехода в иную ипостась, в которой нет смерти, но остается власть над людьми.

Я повернулся, намереваясь войти в молельню. Она служила мне не только местом казни, где многие мои враги нашли свой конец. Там же, в тайнике, хранились магические орудия, с помощью которых я собирался сотворить Круг и призвать Владыку Мрака, чтобы заключить с ним договор, а точнее – сделку.

Неожиданно я заметил возле очага маленького оборванца, ворошившего кочергой угли.

– Эй, пострел, как ты здесь очутился? – удивленно крикнул я ему.

Монастырь брал на воспитание сирот, с ранних лет приучая их к труду. Возможно, любопытный мальчишка незаметно проник в трапезную и... Но тогда он все слышал: и мое повеление бросить обезглавленный труп Грегора в лесу, и приказ расправиться с монахами. Судя по росту, ребенок был не старше пяти лет. Вряд ли он понял смысл моих распоряжений. Зато в таком возрасте дети все повторяют, как попугаи, а я не имел права рисковать.

Услышав мой окрик, ребенок лишь передернул плечами, с недетским спокойствием продолжая орудовать кочергой. Рассердившись, я подскочил к нему и выхватил из ножен саблю, готовый разрубить маленького наглеца пополам. Но прежде чем я замахнулся, ребенок повернулся ко мне и улыбнулся.

Кем же он был? Мальчиком? Девочкой? Этого я не знал. В то мгновение я лишь сознавал, что передо мной стоит необыкновенно прекрасное дитя. Его длинные выющиеся волосы сияли, словно золото на солнце, кожа отливала перламутром, а губы двумя лепестками алой розы изгибались вокруг белого жемчуга зубов. Одежка на его хрупких плечах протерлась почти до дыр, а грязь и сажа не позволяли угадать, каков был ее первоначальный цвет. Однако за-

мызганные лохмотья ничуть не умаляли великолепия этого необычного ребенка, а лишь подчеркивали его неземную красоту.

На целом свете не было никого прекраснее, чем это дитя. А его глаза! Синее моря и неба, синее прозрачного сапфира. Их обрамляли длинные золотистые ресницы, которые едва не касались пушистых бровей. Глаза ребенка светились необычайным умом, в них чувствовались мудрость и знания, недоступные земному человеку... и в то же время глаза эти отличала такая первозданная невинность, какую не встретишь ни у одного смертного ребенка. "Вот они, глаза Христа", – подумалось мне.

Турецкая сабля со звоном упала на пол. Вопреки себе я вздрогнул и только ценой необычайного усилия воли не преклонил колени (гордость не позволила уподобиться предателю Грегору). Нелегко сознаваться, но в то мгновение я испытал благоговение вперемешку со страхом.

Я понимал, что передо мною – Владыка Мрака. Впервые он явился ко мне сам, без магических ритуалов в Круге. До сих пор он приходил, лишь когда я его звал, до сих пор я сам управлял своей судьбой и условиями наших отношений с Владыкой. Круг давал мне власть над ним, и, будучи господином, я заставлял его подчиняться моим приказаниям. Так продолжалось, пока я приносил необходимые жертвы. Теперь, похоже, настал черед Владыки управлять мною. От этой мысли мне стало не по себе.

– Так вот ты каков, Владыка Мрака, – проговорил я, хотя на самом деле не видел никого, кто был бы чище и светлее этого улыбающегося маленького оборванца.

Часто он являлся мне просто сгустком тьмы или тенью, что чернее ночи. Дважды Владыка приходил в облике древнего бородатого старца с высохшим морщинистым лицом, но с такими же невинными и мудрыми глазами.

Кроток, аки голубь, и мудр, аки змий...

– Да, я перед тобой, – звонким колокольчиком прозвучал детский голос. – Я узнал о твоём намерении и решил явиться сам, чтобы ты понапрасну не тратил время, создавая Круг. Так что ты готов отдать в обмен на мой дар?

Странно было слышать столь разумную и последовательную речь из нежных уст, казалось бы, несмышленного дитяти.

– Если ты знаешь о моём намерении, ты знаешь и о том, что я готов отдать.

Он звонко рассмеялся.

– Назови мне еще раз главное условие нашего договора.

Я ответил не сразу.

Повторяю, я рано узнал предательство близких. Неудивительно, что родня не вызывала у меня никакой любви. Не любил я и свою вторую жену Илону. Ее высокое происхождение мне не льстило. Наравне с обращением в католичество и участием в походе на Сребреницу, брак с Илоной являлся частью моего долгосрочного замысла – мне нужно было завоевать расположение короля Матьяша, чтобы получить

свободу и вернуть себе трон. Она родила мне двоих сыновей. Старший (как и меня, его звали Владом) был законным наследником Валашского престола (только, увы, отцовское имя еще не означает наличие отцовского же ума). Младший, Мирча, еще мальчишка, но уже сейчас он здорово напоминает моего вероломного брата Радугу и внешне, и откровенно бабьим жеманством.

Если и говорить об отцовских чувствах, они у меня сохранились лишь к Михне – сыну от первого брака, рожденному моей любимой и безвременно умершей Анной. Только он унаследовал и мой ум, и мое честолюбие. Признаюсь, меньше всего мне хотелось бы пожертвовать Михней. И в то же время... я ведь тоже когда-то был смышленным и честолюбивым мальчишкой, готовым учиться у отца и перенимать его опыт управления страной, но отец предал меня, без колебаний отправив в турецкий плен. Пусть же Михня поможет мне купить бессмертие.

– В обмен на бессмертие я готов отдать тебе душу самого старшего из моих сыновей, – твердо сказал я.

– Этого мало, – неожиданно суровым тоном возразил Владыка Мрака. – Бессмертие – это дар, который пребудет с тобой всегда, а душа Михни останется в моей власти лишь на какое-то время. Мы должны заключить вечный договор. Его условие таково: ты жертвуешь мне душу старшего сына в каждом поколении твоих потомков. И ты же будешь вручать мне их души.

Я понимал, на что обрекаю свой род, но раздумья мои были недолгими.

– Согласен. Я готов отдавать тебе души старших сыновей, родившихся в каждом поколении моих потомков. Теперь скажи, когда я обрету бессмертие?

– Твое превращение начнется вечером, после захода солнца, и закончится к утру. Хочу тебя предупредить: после восхода солнца ты должен будешь уединиться, дабы никто не потревожил твой сон. Ты не только обретишь бессмертие, но превратишься в иное существо.

– А как будет происходить превращение?

Дитя улыбнулось, но в его глазах я не заметил и тени презрения или снисходительности.

– Все зависит от твоего разума и сердца. У каждого превращение происходит по-своему. Ты станешь более могущественным, но у твоего могущества будут определенные условия. В мире нет ничего, что не имело бы условий. О том, каковы они, ты узнаешь сам.

– Условия?

Его слова обрадовали меня, восстановив былую уверенность, что мне удастся управлять Владыкой Мрака, а значит – и собственной судьбой.

– Значит, и твоя власть дана тебе на определенных условиях?

Вновь раздался звонкий детский смех, но ответа не последовало. Владыка Мрака (он же – малолетнее дитя в лохмо-

тях) глядел на меня с необычайной серьезностью.

– Остался последний, завершающий шаг нашего договора.

От этих слов кожа у меня на руках и затылке покрылась пупырышками. Вот он, долгожданный момент! Мысль о нем поддерживала меня во всех тяготах последних недель моего правления. Я знал, что лишусь трона, что враги будут угрожать моей жизни, но меня заботило только одно: успеть шагнуть за порог бессмертия.

– Поцелуй, – произнес Владыка Мрака. – Всего лишь один поцелуй.

Он приблизился ко мне, встал на цыпочки, прижав руки к бокам, и с готовностью раскрыл алые губы. Я шагнул ему навстречу и только сейчас понял, почему Владыка явился мне в облике ребенка: чтобы принять его дар, я должен был поклониться перед ним колени! Эта догадка наполнила меня гневом. Я не привык кому-либо кланяться. Единственными, перед кем мне пришлось склонить голову, были мой отец и Матьяш, но и тогда я делал это крайне неохотно. Гнев сменился мрачным предчувствием: теперь уже не я буду призывать Владыку Мрака, когда мне заблагорассудится, и повелевать им, а он распространит свою власть надо мной.

Но склониться перед властью смерти мне было еще ненавистнее. И потому я нагнулся и поцеловал Владыку. Едва мои губы коснулись его необычайно нежных, источающих бессмертие уст, в меня хлынул поток безудержной, ликующей силы.

Мой взгляд приковали глаза Владыки Мрака. Из синих они стали темно-синими, а затем черными, как ночь. Каждый, кому довелось заглянуть в них, не хотел уже ничего – только безотрывно смотреть в эти черные, сверкающие глаза. Погружаясь в них, я видел очи тех немногих, кто был мне дорог. Вновь мелькнул взгляд моей дорогой Аны – единственной женщины, которую я позволил себе полюбить. В следующее мгновение на меня уже смотрели глаза вероломного красавца-соблазнителя Раду, потом – моего отца, а дальше все застлала безграничная тьма...

Не знаю, сколько времени я провел в ее глубинах. Когда же я наконец пришел в себя, то обнаружил, что стою на коленях возле очага. Прекрасное дитя исчезло, в очаге догорали последние угли. Однако я не испытывал холода: в конечностях, в голове и груди появилось странное ощущение. Нет, вовсе не покалывание, какое бывает в онемевшей руке или ноге, а нечто, похожее на внутреннее движение. Мое тело словно избавлялось от всего, что было внутри, наполняясь взамен... роем жужжащих пчел. Я вдруг ощутил непривычную легкость. Встав на ноги, я не услышал хруста суставов и не почувствовал боли, донимавшей меня уже несколько лет.

У меня резко обострилось зрение. Тусклое мерцание углей в очаге теперь казалось очень ярким и было окрашено во все цвета радуги. Я обвел глазами трапезную. Находившиеся в ней предметы виделись куда отчетливее. Даже в юности у меня не было такого острого зрения. Каждая мелочь

приобрела вдруг глубину и цвет. С детским восхищением я медленно поворачивал голову и громко смеялся от удовольствия.

Я видел каждое вкрапление в камнях, из которых был сложен очаг, каждую щербинку на них и бороздку.

Потом я перевел взгляд на свечи. Они наполовину сгорели и стояли в лужицах теплого воска. Их свет показался мне раздражающе ярким, и я оставил гореть всего одну, а остальные задул. Ее скудного света было более чем достаточно, и я по-прежнему видел все до последней пылинки, хотя за окнами стемнело. Крупными хлопьями валил снег.

Я бросился к зеркалу. Мне не терпелось увидеть, как меняется мое лицо. Увы! Вглядевшись в блестящую металлическую поверхность, я обнаружил лишь мутное отражение, исчезающее, словно призрак в ночи. Я боялся, что это происходит сейчас и со мною, ибо еще в детстве слышал от няньки и других слуг: лица умерших не отражаются в зеркалах. Неужели я обречен стать невидимым? Неужели это и есть одно из дополнительных условий нашего с Владыкой договора?

В дверь осторожно постучали. Я откликнулся и услышал учтивый голос юного убийцы. Он доложил, что мой приказ выполнен: все вернувшиеся из леса монахи убиты.

Мне не терпелось проверить, остался ли я видимым для смертных. Я распахнул дверь. Розовощекий стражник, гордый хорошо исполненным поручением, явно дожидался мо-

ей похвалы.

– Вот и замечательно, – кивнул я. – Надеюсь, все прошло тихо?

Мне не был важен его ответ. Меня занимало лишь то, как парень себя поведет: закричит, услышав голос, раздавшийся прямо из воздуха, или начнет озираться по углам, пытаясь найти меня взглядом. Еще хуже, если он увидит то же, что и я в зеркале – смутный силуэт, исчезающий прямо на глазах.

Но стражник лишь низко поклонился, не выказав ни испуга, ни удивления.

– Тише не бывает, мой господин, – с довольной улыбкой проговорил он.

Я велел ему приготовить мне коня и подвести к крыльцу, сказав, что не намерен ночевать в монастыре.

– Но все дороги засыпаны снегом, мой господин, – попытался возразить юноша. – Сейчас небезопасно пускаться в путь.

Я презрительно рассмеялся и повторил приказ. Стражник ушел. Знал бы он, что мне теперь не страшен ни холод, ни снег, ни Басараб. Единственный, кого я боюсь, – это Владыка Мрака...

Лошадь уже стоит у крыльца, но мне нужно дописать историю своего превращения, иначе через несколько столетий я забуду и подробности этого вечера, и ликование, не покидающее меня в эти минуты. Вскоре повсюду разнесется весть о гибели валашского господаря (я не зря надел Грегору свое

кольцо!). Не сомневаюсь, что Басараб разобьет мою армию и сдуру учинит разгром в Куртя Домняске. Он будет упиваться победой, но настоящим победителем все равно окажусь я. Если Басараба не убьют, через пару десятков лет он все равно умрет, а я останусь жить. Жить вечно. Я уже отправил гонца с письмом к Илоне и сыновьям. Скоро я встречу с ними в нашем новом жилище в предгорьях Карпат.

Вот и все. Я покидаю монастырь и отправляюсь на север... Еще каких-нибудь десять лет, и вымысел смертных заслонит правду обо мне.

Глава 1

ПИСЬМО ВЛАДА ДРАКУЛЫ, ОТПРАВЛЕННОЕ ИЗ
БИСТРИЦЫ В ВЕНУ И АДРЕСОВАННОЕ ЭЛИЗАБЕТ БА-
ТОРИ³

15 апреля 1893 года

Любезнейшая моя родственница!

Похоже, не одна сотня лет минула с того времени, когда мы в последний раз обменивались письмами друг с другом, а уж не виделись мы и того больше. За эти годы произошло много разных событий, всего и не упомнишь. Сейчас же я переживаю не самые лучшие времена. Мое положение столь незавидное, что кроме тебя – моей умной и трезвомыслящей родственницы, – мне некого позвать на помощь.

Так я могу рассчитывать на твой приезд, Елизавета (или тебе привычнее именоваться на немецкий манер – Элизабет)? К сожалению, мое нынешнее состояние не позволяет мне путешествовать, иначе я сам бы навестил тебя в Вене, избавив от превратностей дороги в наше захолустье. Обещаю, ты будешь надлежащим образом вознаграждена. На-

³ Элизабет Батори – племянница Штефана Батори (1477-1534), трансильванского воеводы и отца известного польского короля Стефана Батория. Элизабет считали ведьмой и оборотнем. В 1610 году Элизабет Батори была заключена в тюрьму, где и умерла четыре года спустя. Сам Штефан Родился через год после смерти Влада III, что исключает оказание им помощи опальному валашскому правителю.

деюшь, тебе доставит удовольствие знакомство с моей племянницей Жужанной и ее горничной Дуней, кои стали моими вечными спутницами. Помимо всего прочего, ты всегда можешь рассчитывать на те же внимание и признательность, какие я оказывал твоему дяде Штефану Батори, помогшему в незапамятные времена неизвестному тогда Владу Дракуле отвоевать у супостатов законно принадлежавший ему валашский трон (знала бы ты, как храбро сражался Штефан!). Но сейчас я вновь вынужден уповать на милосердие и верность, свойственные вашему роду.

Приезжай безотлагательно, чем раньше, тем лучше. Любые гости, которых ты сумеешь привезти с собой, найдут у нас по-настоящему теплый и сердечный прием.

Твой благодарный слуга В.

Глава 2

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН ХЕЛЬСИНГА

(Переведено с голландского)

2 мая 1893 года, вечером

Как тихо сейчас в нашем доме и как печально. Когда я вернулся с лекции, которую читал студентам прямо в больнице, молоденькая сиделка Катя еще не ушла. Я пообедал и поднялся наверх, чтобы немного "побеседовать" с Гердой. Ее состояние остается прежним, и нет никаких перемен к лучшему, но я продолжаю разговаривать с ней так, будто она меня понимает. Я рассказал ей о том, чем сегодня занимался в больнице, что нового у соседей. Я старался говорить веселым и непринужденным тоном, хотя с каждым днем это мне дается все с большим трудом. На моих глазах Герда превращается в скелет, обтянутый кожей. Боюсь, она умрет раньше, чем будет уничтожена Жужанна.

Я сижу у изголовья спящей мамы. Хорошо, что у меня есть возможность провести эту ночь рядом с нею, а то я всегда тревожусь, когда приходится отлучаться по вечерам (за Герду я не так волнуюсь, отметина на ее шее остается прежней, видимо, большего вреда причинить ей уже нельзя). Когда я отсутствую, за обеими женщинами присматривает Катя. Она приходила и этим вечером, поскольку у меня была еще одна лекция. Невзирая на юный возраст, Катя – добросовестная

и рассудительная девушка, и в случае чего она не растеряется и сумеет оказать неотложную медицинскую помощь. Меня пугает другое. Мама все ближе и ближе к бездонной пропасти, в которой исчезают все окончившие свой жизненный путь. Я поклялся ей, что ее переход в мир иной не будет таить никаких опасностей. Я произносил эти слова, зная, что мамин мозг, источенный болезнью, вряд ли их воспримет. Но, я уверен, они прошли прямо к ней в душу. И я не позволю ни одному вампиру лишить мою маму достойной смерти.

Но до чего же тяжело видеть, как она угасает!

Сегодня она выглядит хуже. Ее волосы (когда-то золотистые, потом серебристые от седины) беспорядочной паутиной накрыли подушку. Изможденное, землистого цвета лицо перекошено от неутихающей боли.

Иногда я отказываюсь верить своим глазам – неужели это моя мама? Мама, которая поддерживала и утешала меня все эти трагические годы? С тех пор как не стало моего малыша Яна (подумать только, неужели сейчас сыну было бы двадцать два? Столько времени прошло, а рана в моей душе так и не заживает), а бедняжка Герда окончательно повредила умом, мы с мамой особенно остро ощутили, насколько мы близки и нуждаемся друг в друге. Мы двое – это все, что осталось от нашей прежней семьи. Мама держалась мужественно и никогда не жаловалась, хотя мне нередко приходилось исчезать из дома на целые дни, но чаще – ночи, ибо я продолжал очищать мир от кровожадных порождений Вла-

да и его "потомков". Отправляясь выполнять свой скорбный долг, я чувствовал себя виноватым, поскольку мама оставалась совсем одна. Но она понимала необходимость моих отлучек. Как еще мог бы я отомстить за гибель ее внука и за то, что случилось с моим отцом Аркадием – маминой первой и единственной любовью? Как еще я мог дать покой их душам и душам тех вампиров, чье существование я столь безжалостно обрывал?

Насколько легче мне было бы сейчас, окажись рядом отец. Мне было бы на кого опереться и у кого спросить совета (странно, конечно, писать подобные слова о том, кто почти полвека сам является вампиром). Я со стыдом вспоминаю те дни, когда увидел его впервые (до того я считал своим настоящим отцом второго маминого мужа, умершего накануне кошмара, более двадцати лет назад обрушившегося на нашу семью). С каким нескрываемым отвращением и недоверием я поначалу отнесся к Аркадию. Судя по маминым рассказам и ее дневниковым записям, а также по моему личному общению с ним, это был человек благороднейшей души. Он героически пожертвовал собой, дабы спасти всех нас. Даже проклятие вампиризма не затронуло его доброго и щедрого сердца.

Сегодня мамины глаза и щеки кажутся мне еще более впалыми, несомненно, это вызвано обезвоживанием организма. Катя сказала, что сразу после ужина маму вырвало и с тех пор она ничего не ела, отказываясь даже от воды. Ее боли

сделались невыносимыми (проклятые опухоли!), и я, будучи не в силах слышать ее стоны, ввел ей морфий. Теперь мама успокоилась и заснула. (Сам я почти не сплю. Я не раз подумывал о том, не прибегнуть ли и мне к морфию, но меня удерживает боязнь привыкнуть к этому зелью. Вдобавок морфий затуманивает голову и притупляет чувства, а мне всегда нужно быть начеку и сохранять ясность ума. Мама уже не может без морфия, и я не вправе ей отказывать. Лучше, если она покинет мир, находясь в блаженном забытии, нежели корчась от боли.)

Да, о крепком, спокойном сне я могу лишь мечтать. Недавний мой сон был коротким и тревожным. Уверен, картины сновидений содержали некий скрытый смысл, до которого мне нужно докопаться. Лучше всего это делать на страницах дневника. Я принес его в мамину спальню и уселся в старое кресло-качалку – еще одно напоминание о былых счастливых днях. Мама любила сидеть в этом кресле. В детстве она часто сажала меня к себе на колени и волшебным образом развеивала все мои беды и горести.

Теперь о самом сне... Мне снилось, будто я с мальчишеской радостью бежал по густому хвойному лесу. Чистый и прохладный воздух был напоен ароматами хвои и недавнего дождя. Тысячи капелек, повисшие на ветвях и кончиках зеленых иголок, блестели и радужно переливались. Смеясь, я бежал дальше и, вытянув вперед руки, отодвигал нижние ветки, чтобы не хлестали по лицу.

Неожиданно мое ликование сменилось паническим ужасом: за спиною послышались шаги. За мной кто-то гнался. Обернувшись через плечо, я увидел мелькнувшее среди ветвей лицо своей жены Герды. Но это была не прежняя Герда, а новоявленная вампирка: ее глаза косили, как у Жужанны, а зубы стали длинными и острыми. Ее спутанные волосы цеплялись за хвою. Преследуя меня, она по-волчьи рычала.

Испуганно закричав, я побежал быстрее, потом еще быстрее. Я чувствовал, если Герда меня догонит, мне конец.

На бегу я задел ногой за ствол поваленного дерева и начал падать. Падая, я невероятно медленно – такое бывает только в снах. Пальцы правой ноги попали под массивный ствол и там застряли. Руки описали в воздухе широкую дугу, левая нога тоже взметнулась вверх, и наконец мои ладони ощутили колкую мокрую хвою. Я упал ничком. Ноздри сразу наполнились запахами сырой и прелой земли. Когда же я приподнялся на локтях, то увидел... (Почему меня до сих пор столь будоражит тот образ? Почему сердце начинает колотиться даже сейчас, когда я не сплю, а вожу пером по бумаге?)

Я увидел нечто большое и темное. Правильнее сказать – совершенно черное, поглощающее всякий свет. Волк? – поначалу подумалось мне. Нет, то был не волк. Медведь? Тоже нет.

А поодаль стоял мой ангелоподобный наставник Арминий и бесстрастно глядел на происходящее. Ослепительно белый, он являл собой полную противоположность отврати-

тельному порождению мрака. Седая борода окаймляла по-детски розовое, без единой морщинки лицо. Его одежды сияли в лучах солнца безупречной белизной. Длинный деревянный посох в руках придавал Арминию сходство с библейским Моисеем. Возле его ног стоял Архангел – белый ручной волк.

– Арминий, помоги мне! – крикнул я.

Я кричал, пока не охрип, однако старик, казалось, не узнавал меня. И он, и волк отстраненно наблюдали за происходящим.

Потеряв надежду и охваченный ужасом, я смотрел, как черный силуэт из звериного превратился в человеческий. Вначале он уменьшился до размеров пятилетнего ребенка, затем принял очертания взрослого человека.

– Кто ты? – отважился спросить я. Мои щеки были мокрыми от слез.

Ответа я не получил. Время тянулось еле-еле. А незнакомец все продолжал расти, теперь он стал настоящим великаном. И я понял, что тьма, из которой он состоял, собирается меня поглотить! Новая волна ужаса захлестнула меня.

– Кто ты? – вновь спросил я и почти сразу же услышал ответ.

Слова прозвучали где-то внутри меня. Голос Герды прошептал:

– Владыка Мрака...

Мой страх нарастал, пока я не лишился чувств... К сча-

стью, я вскоре проснулся. Сердце билось с неистовством узника, требующего выпустить его на свободу.

Я достаточно разбираюсь в оккультизме и знаю: подобные сны являются знамениями. Но сколько я ни бился, мне не удалось разгадать смысл увиденного. Уж не сам ли дьявол приходил ко мне во сне? Я до сих пор не верю в существование дьявола, но и без него в нашем мире хватает тех, кого называют нежитью. Эти сущности имеют нечеловеческую природу, но обладают острым умом.

Как мне сейчас не хватает Аркадия, с его готовностью поддержать и помочь. Увы, бессмысленно надеяться на его помощь, ибо я знаю, что Аркадий погиб. Но есть тот, кто способен мне помочь.

Где ты, Арминий? Где ты, мой друг и наставник? Когда-то ты научил меня справляться с вампирами. Пока я постигал эту науку, ты направлял меня и в трудные минуты всегда оказывался рядом. Мое тогдашнее своеволие разлучило нас (вскоре я убедился, до чего же ты был прав, утверждая, что для войны с Владом понадобятся годы). Я даже не знаю, как тебя призвать. Но ведь ты бессмертен и наверняка жив и сейчас.

Помоги же мне, Арминий!

* * *

ДНЕВНИК ЖУЖАННЫ ДРАКУЛ

2 мая 1893 года

Сколько еще времени я обречена быть затворницей в этом замке и день за днем наблюдать, как мой благодетель Влад из сильного и обаятельного бессмертного существа превращается в сварливое чудовище? Он все больше напоминает скелет, обтянутый сморщенной кожей. Но что еще хуже, жуткие перемены затронули и меня. Делая прическу, я с отвращением смотрю на седые пряди, где некогда господствовал иссиня-черный цвет. А мои руки! Одна из них держит сейчас перо, другая опирается о стол. Бледные, высохшие, утратившие блеск и упругость кожи. Если у меня такие руки, что же случилось с моим прекрасным лицом?

Мне невыносима собственная беспомощность. Да и Влад не в лучшем состоянии. Мы уже дошли до того, что ненавидим друг друга – и все из-за этого ублюдка Стефана! (На самом деле он – законный наследник моего умершего брата Аркадия. Но за свои гнусные деяния он заслуживает еще более грязных и оскорбительных эпитетов!) Нет, уж лучше я буду называть эту тварь по фамилии его приемного отца – Ван Хельсинг. Каким-то образом он сумел разнюхать, что договор действует в обе стороны, и каждый раз, когда он уничтожает кого-то из "потомков" Влада, которых мы не успели прикончить (нам претит плодить соперников), а также кого-то из их многочисленных "детишек"... мы становимся слабее. Наш собственный конец уже не за горами. Вот уже более двадцати лет мы оба лишены возможности покидать преде-

лы замка, а теперь вдобавок еще и слишком слабы, чтобы добывать себе пищу.

Этим вечером Влад приходил ко мне: кожа землистая, как у трупа, глаза красные и ввалившиеся, а волосы и брови совсем седые. Тем не менее на его бледных губах играла улыбка. Непривычно возбужденным голосом он объявил:

– Знаешь, дорогая, если мы не предпримем решительных мер, то вскоре настолько ослабеем, что Ван Хельсинг явится сюда и без лишних усилий покончит с нами. Но не думай, что я решил позлить тебя или заставить плакать над нашей горькой участью. У меня есть хорошие новости!

Он прав: в последнее время я все чаще плачу от отчаяния. Подумать только: я, в прошлом такая сильная, счастливая, полная надежд, теперь способна лишь беспомощно ждать перехода в вечное небытие...

Влад велел мне успокоиться и с воодушевлением продолжал:

– Хватит нам страдать от деяний Ван Хельсинга. Он уверовал в свою силу и думает расправиться с нами. Скоро он убедится в обратном. Теперь Ван Хельсингу от меня не уйти. Я позабочусь, чтобы он оказался в моих руках. И слушай замечательную новость: вскоре к нам придет молодой и здоровый смертный человек... Не вздыхай, это еще не все. Я, дитя мое, получил письмо от своей дальней родственницы Элизабет.

– Элизабет? – переспросила я.

Я впервые слышала о его родственнице и не понимала, в чем причина ликования Влада. Он говорил о приезде какой-то Элизабет так, словно возвещал об окончании нашего затворничества.

– Подобно нам Элизабет бессмертна. Она умна, проницательна, а главное – достаточно сильна, чтобы расправиться с твоим племянничком. Верь мне, она это сделает. Но вначале она приедет сюда из Вены и восстановит нам силы.

– Возможно ли это? – воскликнула я и сразу же поняла всю нелепость своего вопроса.

Должно быть, Элизабет привезет с собой еще нескольких смертных (что, конечно же, лучше одного, хотя бы и полнокровного). На какое-то время мы избавимся от голода, но свою прежнюю силу мы сможем обрести лишь после того, как с Ван Хельсингом будет покончено.

Услышав мой вопрос, Влад отшатнулся. Его глаза стали еще краснее, налившись непонятным мне гневом.

– А это уже не твоя забота! – огрызнулся Влад и немедленно ушел из моей комнаты.

Несомненно, эта незнакомая мне Элизабет – исключительно могущественная женщина, превосходящая силой самого Влада, иначе я бы не уловила в его голосе нотку зависти. Какой была бы моя собственная жизнь, если бы не Влад? Это ведь он сделал меня бессмертной, за что я всегда должна быть ему благодарна. И в то же время я не могу не презирать его за жестокость, высокомерие и лживость. Я для Влада –

нечто вроде говорящей игрушки, с которой можно любезничать, когда на то есть желание, и равнодушно отпихнуть, если общество ему прискучило (мои чувства в расчет не принимаются). Полвека назад он даровал мне "поцелуй мрака". Но тогда я была робкой, заискивающей калекой, благодарной за любой знак внимания. Я боготворила Влада и сгорала от любви к нему. Потом, став сильной, красивой, уверенной в себе женщиной, я быстро надоела ему и даже стала вызывать раздражение. Когда он в последний раз выбирался из замка на охоту (это было несколько месяцев назад. Сейчас мы очень слабы, чтобы выдержать долгий путь до Бистрицы и отправить пригласительные письма нашим возможным жертвам, которых меж собой всегда называли "гостями"), я не выдержала и забросала его вопросами. Почему я, словно узница, вынуждена сидеть в замке в ожидании жалких крох, которые Влад соизволит мне принести, когда вдоволь насытится сам? Мне от него всегда доставались либо младенцы, либо тщедушные, худосочные дети. Теперь-то я понимаю: Влад все это время намеренно держал меня в ослабленном состоянии. Так мною легче повелевать. Сам же он всегда горделивый хозяин положения.

Будь у меня побольше сил, я бы сама отправилась на охоту, не спрашивая его позволения. Но вначале я и не подозревала об обмане. И когда Влад говорил, что идет за добычей для всех нас, я была только благодарна. В первый раз нам с Дуней на двоих достался новорожденный младенец. Влад

так правдоподобно объяснял причины своей неудачной охоты и так искренне извинялся, что мы ему поверили. Через какое-то время он снова отправился на охоту, и я сдуру подумала: теперь-то он добудет для нас здорового парня или такую же крепкую полнокровную крестьянку.

Увы, Влад и в тот раз принес нам больного ребенка. Мне ничего не оставалось, как, поделившись с Дуней, выпить несколько жалких капель крови (я едва не падала в обморок от слабости). Что ж, он добился своего: теперь, когда он уходил на охоту, я уже ничего не требовала. Не хватало сил.

Я и сейчас очень слаба. Когда Влад ушел, я сразу же легла. Раньше я так любила сладостный восторг ночи, ныне же она мне приносит лишь тягостные мысли. Бывают моменты, как сегодня, когда я не в состоянии подняться и остаюсь лежать в гробу. В прежние времена наши с ним гробы стояли рядом, но потом Влад заявил, что мое близкое соседство ему мешает, и я перебралась в людскую, к Дуне. Часто, лежа и тихо всхлипывая, я думаю: еще немного, и эта убогая комната станет местом моего окончательного упокоения (только будет ли мне дарован покой?)

Бедняжка Дуня! Она лежит в своем гробу, как настоящая покойница. Я боюсь, что пропасть поглотит ее раньше, чем меня, ибо из нас троих она – самая слабая. Почти все время она проводит в дреме. Бледные веки плотно прикрывают ее черные глаза. Когда Ван Хельсинг в сопровождении Аркадия впервые вторгся в наш замок (о, тогда я была сильной

и красивой!), Дуня безропотно выполнила приказ Влада (во время схватки Влад швырнул моего брата прямо на подставленный Дуней кол). Но это стоило ей жизни. Не вмешайся тогда я, Дуня умерла бы через считанные минуты (у нее была сломана шея). Я пожалела свою преданную горничную и ввела ее в мир бессмертных. Как Влад тогда разъярился! "Ты лишила нас последней смертной служанки! Кто теперь будет выполнять дневную работу, которую мы с тобой делать не в состоянии?" – гремел он. После этого он едва ли не два месяца игнорировал наше существование.

Меня не пугал его гнев. Дуня осталась такой же милой и преданной мне, какой была при жизни. Страшные увечья бесследно исчезли. Мы прекрасно проводили время, словно родные сестры. Это она предложила мне заказать портрет, чтобы хоть таким образом заменить недоступные мне зеркала и ее словесные описания моей внешности. Разумеется, портрет писал смертный художник. У него от страха тряслись руки, что, к счастью, не сказалось на его мастерстве. В знак благодарности я заказала ему и Дунин портрет.

Теперь моя дорогая спутница – всего лишь жалкая тень красавицы, глядящей на меня со стены (как, должно быть, и я сама). Дуня лежит в гробу со скрещенными на груди руками. Любому она показалась бы мертвой старухой: восковое лицо изборождено глубокими морщинами, плотно сомкнутые тонкие губы скрывают желтоватые острые зубы. Как я скучаю по тем незабвенным ночам, когда мы обе, взявшись

за руки, шепотом делились нашими мечтами! Мне тяжело видеть Дуню столь беспомощной и обреченной.

Известие о приезде Элизабет подарило мне надежду. Я заставила себя встать и впервые за долгие годы раскрыла свой запыленный дневник. Неужели мне удастся вернуть молодость, красоту и силу?

ДНЕВНИК АБРАХАМА ВАН ХЕЛЬСИНГА

3 мая 1893 года

До чего же странна жизнь. Мы строим замыслы и ждем, что грядущие события будут разворачиваться согласно этим замыслам. Но достаточно одного мгновения, и все меняется бесповоротно.

Минувшая ночь была долгой и утомительной. Мне пришлось совершить путешествие в Гаагу. Некоторое время назад там вдруг начались странные нападения на людей, совершаемые вечером и ночью клыкастым хищником, предположительно волком. Сопоставив все рассказы, я отправился туда и, обосновавшись возле одного богатого склепа на городском кладбище, принялся наблюдать. Проведя несколько часов, я дождался возвращения "волка", а на самом деле – вампира. Им оказался преуспевающий и уважаемый гаагский коммерсант, скончавшийся от апоплексии вскоре по возвращении из Венгрии. Как всегда, мне пришлось совершить скорбный ритуал, но я рад, что теперь душа его свободна от проклятия.

Не задерживаясь ни на минуту, я вернулся в Амстердам,

поскольку меня тревожило значительное ухудшение состояния Герды. Сегодня утром, перед тем как лечь отдохнуть, я зашел ее проведать. Я ежедневно вводил ее в гипнотический транс, пытаясь узнать какие-либо новости относительно Жужанны (а следовательно, и Влада), но мои попытки оставались безуспешными. Однако сегодня дело обстояло совершенно иначе. Обычно, заходя к Герде, я заставлял ее спать либо бессмысленно глядящей в потолок. Сегодня меня насторожило ее затрудненное дыхание. Глаза жены были закрыты. Я сел рядом и долго следил за ее дыханием, пульсом и состоянием ауры, пытаясь докопаться до причин ухудшения.

Я не обнаружил никаких физических изменений в состоянии. Значит, дело было в незримой связи, установившейся двадцать с лишним лет назад между Гердой и Жужанной. В этом я не сомневался. Если Герда слабеет и налицо все признаки приближающейся смерти, выходит... Жужанна тоже близка к своему концу.

Наступал момент, ради которого я усердно трудился почти четверть века. Когда-то Арминий рассказал мне, что договор имеет и обратную силу. Уничтожая поганую вампирскую поросль Влада, я делаю его слабее, а себя – сильнее.

Еще немного, и его постигнет участь, которой он давно заслуживает.

Выйдя из комнаты Герды, я забыл про сон и принялся собираться в путь. Кидая в раскрытый чемодан вещи, я одно-

временно листал расписание поездов, выбирая ближайший рейс в восточном направлении. Если я сумею вовремя попасть в Трансильванию, добраться до замка и уничтожить Влада и Жужанну, возможно, Герда избегнет не только смерти, но и посмертного превращения в вампирушу.

Но я не исключал и того, что меня постигнет неудача. Если в мое отсутствие Герда все-таки умрет, ее будет небезопасно оставлять дома бок о бок с мамой и Катей. В равной степени небезопасно помещать ее в ледник морга или устраивать обычные похороны. Герда должна будет находиться под неусыпным наблюдением опытного человека, способного заметить симптомы превращения моей жены в вампирушу и знающего, что в подобных случаях надо делать. Это обстоятельство меня озадачило: я не представлял, кому в Амстердаме можно поручить столь деликатное дело.

Но такой человек есть в Лондоне. Это мой друг Джон – врач-психиатр и владелец лечебницы для душевнобольных. Подробности болезни Герды были ему неизвестны, зато Джон отличался открытостью ума и серьезно интересовался оккультизмом. Если дать ему необходимые предписания относительно Герды, он будет скрупулезно их выполнять.

Я уже мысленно составлял текст телеграммы Джону, когда зазвенел дверной колокольчик. Я открыл дверь и увидел на пороге дородную немку лет примерно сорока: темные волосы с проседью, широкий подбородок и румяное лицо с тонкой паутинкой кровеносных сосудов (к этому описанию надо

добавить пышную грудь, высоко вздымающуюся при дыхании. Когда дама отвешивала мне поклон, я думал, что грудь перевесит и немка шлепнется на пол).

– Герр Ван Хельсинг?

Женщина добродушно улыбнулась, и я сразу же понял, что нашел дневную сиделку для мамы. Чувствовалось, что у этой немки достанет терпения и заботливости. Мне стало еще легче, когда я заметил под черным вдовьим платьем проступающие очертания нательного креста. Значит, дополнительная защита против вампиров ей не понадобится.

– А вы, должно быть, – фрау Келер? – спросил я по-немецки.

Услышав родную речь, женщина совсем расцвела.

Пока мы шли в мамину комнату, я поинтересовался, легко ли она нашла мой дом, и сообщил, что ее мне порекомендовал один из коллег-врачей. Войдя в мамину спальню, фрау Келер с уважением взглянула на свою будущую подопечную и перекрестилась на распятие, висевшее над изголовьем постели.

– Ваша мама совсем плоха, – сочувственно произнесла дородная немка.

– Да, вы правы.

– Как это печально для вас!

Эти слова не были обычной вежливой фразой, ибо по тому, как она их произносила, сразу становилось понятно, что она сама не так давно пережила смерть близкого человека.

– Вы живете только с мамой, доктор Ван Хельсинг? Похоже, у вас ни жены, ни детей...

Теперь в глазах вдовы мелькнул огонек надежды на возможный брак.

– Жена у меня есть, – поспешил я развеять ее матримониальные планы.

И тут на меня нахлынули тягостные воспоминания двадцатилетней давности. Жужанне удалось тогда проникнуть в наш дом и выкрасть маленького Яна. Психика Герды и так была уязвима, а похищение сына вогнало ее в кататонический ступор, в котором она пребывает до сих пор. Мало того, Жужанна сделала Герду своими глазами и ушами. Как часто я мечтал о времени, когда обрету достаточную силу и расправлюсь с этой дьяволицей.

– Познакомьте меня с нею, – уже без всякого энтузиазма попросила фрау Келер.

– Видите ли, Герда тоже больна.

– Это вдвойне печально! – воскликнула немка. – Да, тяжкую ношу возложил Господь на ваши плечи.

Склонив свою круглую голову набок, фрау Келер поглядела на меня с не меньшим состраданием, чем на маму.

– Значит, вы поручаете моим заботам двоих пациенток? – уточнила она.

– Нет. Жену я отвезу в Лондон. Хочу показать ее специалисту. У мамы есть замечательная ночная сиделка, но, поскольку я вынужден уехать, кто-то должен присматривать за

ней днем.

– Чем страдает ваша жена?

– У нее кататония, – ответил я, не вдаваясь в подробности, которые наверняка бы ужаснули богобоязненную немку.

– А что с вашей мамой? – осторожно осведомилась она, вновь поворачиваясь к постели.

– Рак груди. Насколько могу судить, он успел распространиться дальше, затронув и мозг. Мама редко приходит в сознание. Обычно она спит. Чтобы унять боль, ей приходится вводить морфий.

Фрау Келер негромко прищелкнула языком.

– Разрешите спросить, а как зовут вашу маму?

"Можете называть ее госпожой Ван Хельсинг", – едва не вырвалось у меня, но немка держала себя как преданный друг семьи, и я тихо произнес:

– Мария.

– Мария, – одобрительно повторила немка. – Имя Богоматери. Прекрасное имя.

Она придвинула кресло-качалку к кровати и села.

– А меня зовут Хельга.

С этими словами фрау Келер очень аккуратно вынула из-под одеяла мамину руку и осторожно зажала ее ладонь между своими, словно таким образом знакомилась с пациенткой и узнавала о ее самочувствии. Сомневаюсь, чтобы сиделка делала это сознательно, вероятно, она даже не подозревала, что является прирожденной ясновидящей.

Через некоторое время фрау Келер подтвердила мою догадку, проговорив:

– Вы – добрый человек, господин Ван Хельсинг, и очень мужественный. Сердце сказало мне, что и ваша мама – замечательная женщина. Я буду счастлива заботиться о ней. А если Господу будет угодно призвать ее к себе во время вашего отсутствия, не думайте, будто она умрет в одиночестве или рядом с чужим человеком. Я сделаю все необходимое и стану молиться за нее, как за родную сестру.

Я отвернулся, якобы посмотреть в окно, ибо сострадание фрау Келер меня заметно тронуло. В такие моменты я бываю очень уязвим, поскольку подавляемое горе прорывается наружу и сметает все мои защитные барьеры, как наводнение дамбу. Слез я сдержать не сумел, но достаточно быстро смахнул их и вернулся в свое обычное уравновешенное состояние.

– Плачьте, господин Ван Хельсинг, – раздался голос немки у меня за спиной.

Краем глаза я увидел, как фрау Келер нежно гладит мамину руку, будто мама вдруг пришла в сознание и заметила мои слезы.

– Не стесняйтесь этих слез. Вы заслужили право на них.

Я намеренно кашлянул, достал платок, вытер глаза и нос, после чего повернулся к обеим женщинам. Кивнув в сторону мамы (ее веки начали подрагивать), я тяжело вздохнул:

– Если и заслужил, то не в такой мере, как моя несчастная

мать. Ведь это она страдает, а не я.

– Ошибаетесь, господин Ван Хельсинг. Вы любите свою мать, и ее страдания давно стали вашими. Ваше сознание не замутнено, а потому вам приходится намного хуже. Видеть, как мучается любимый человек, гораздо тяжелее, чем страдать самому. Вы согласны?

Я хотел было возразить, а какая-то часть меня сочла оскорбительным даже думать, будто я страдаю больше, нежели мама. Однако немка была права. Я оставался в ясном сознании и не испытывал физической боли. Зрение тоже не подводило меня. Глядя на мамино лицо, изнуренное болезнью, я видел, как с каждым днем она угасает. К морщинам, оставленным пережитыми муками (преимущественно душевными), добавилась впалость щек и желтизна кожи. Но если бы только это! Мамино тело покрыто кровотокающими пролежнями, а безуспешные попытки опорожнить мочевой пузырь заставляют ее кричать от боли. Иногда я думаю: неужели мама за свою жизнь извела недостаточно горя, чтобы обречь ее на склоне пути гнить заживо? Она потеряла двух мужей (Аркадия и моего приемного отца), приемного сына и, наконец, своего любимца-внука. Из-за моих частых отлучек на ее руках оказалась и беспомощная Герда. Все невзгоды мама переносила с исключительной стойкостью. Неужели она заслужила такой конец? Неужели за всю любовь и заботу, отдаваемые ею каждому из нас, она должна была проводить последние дни, корчась от нестерпимой

боли?

Нет, довольно об этом, иначе у меня снова хлынут слезы!

Я взял себя в руки и уже спокойным голосом ответил на вопрос фрау Келер:

– Мне нелегко согласиться с вашим утверждением, но этого, наверное, и не требуется. Я немного умею разбираться в людях и чувствую, что, вверяя маму вашим заботам, могу ни о чем не беспокоиться.

Затем вполне обыденным тоном я осведомился у немки:

– Фрау Келер, вы могли бы начать ухаживать за мамой уже сегодня? Понимаете, чем раньше я отвезу жену в Англию, тем лучше. Хорошо бы, если бы вы принялись за дело прямо сейчас, поскольку мне нужно собраться и сделать кое-какие неотложные дела.

– Я с радостью останусь, – покивала головой она и осторожно положила мамину руку обратно под одеяло.

– Замечательно.

Я показал новой сиделке, где находятся шприцы, ампулы с морфием и другими болеутоляющими средствами, а также откуда она может взять подкладное судно, бинты и мазь.

К счастью, фрау Келер была достаточно опытна в таких делах, да к тому же и весьма понятлива, поэтому мои объяснения не заняли много времени. Затем я провел немку в свой кабинет, чтобы авансом расплатиться за ее услуги.

На обратном пути, когда мы подходили к лестнице, сверху послышался сдавленный крик. Был это возглас радости или

боли – сказать трудно, но у меня сразу же похолодела спина. Сначала я решил, что это мама, которую начал терзать очередной приступ боли, однако почти сразу же понял, откуда и от кого исходил этот крик. По телу побежали мурашки. В последний раз я слышал голос жены двадцать два года назад, но узнал его безошибочно.

Без каких-либо объяснений, даже не извинившись перед фрау Келер, я взбежал наверх и бросился в комнату Герды.

Моя жена сидела на постели. Ее лицо сияло, все признаки слабости исчезли. Мое сердце колотилось так, что готово было выпрыгнуть из груди. Мелькнула безумная надежда: вдруг с Владом и Жужанной покончено и теперь моя дорогая жена свободна от их оков?

Увы! Широко открытые глаза Герды глядели куда-то вдаль. Она по-прежнему не замечала происходящего вокруг. Но зато у нее явно прибавилось сил. На щеках заиграл легкий румянец, а волосы, волосы! Каждый вечер Катя усердно заплетала их в длинную косу, оставляя несколько особо упрямых локонов, которые ни в какую не желали послушно лежать в прическе... Из волос Герды начисто исчезла седина!

Я всматривался в лицо жены и не верил своим глазам, однако они меня не обманывали. Последний раз я видел Герду рано утром. За эти несколько часов она заметно помолодела. Исчезла не только седина, исчезли все морщины с ее лица.

– Герда! – громко прошептал я. – Герда, дорогая, ты слышишь меня?

Она ничем не подтвердила, что замечает мое присутствие, но нечто иное, недоступное моему зрению, наполняло ее ликованием и давно забытой радостью.

– Она приехала! – произнесла Герда и громко засмеялась. – Она приехала...

– Кто? – настойчиво спросил я, краешком глаза заметив, что фрау Келер подошла к открытой двери и остановилась на пороге. – Дорогая, кто приехал?

Герда не ответила и постепенно стала успокаиваться. Потом она широко улыбнулась, обнажив резцы. Они слегка удлинились!

– Уму непостижимо, – прошептала сиделка. – Как вы это сами объясните, господин доктор? Вы по-прежнему намерены везти жену в Лондон?

– Я... даже не знаю, – рассеянно пробормотал я, поскольку мои мысли были заняты совсем другим.

Моя мимолетная радостная надежда сменилась тихим ужасом. Все эти двадцать два года Герда провела в неразрывной психической связи с Жужанной. Если за считанные часы моя жена вдруг поздоровела и помолодела, значит, то же самое произошла и с Жужанной и, что еще важнее, – с Владом.

Столь внезапное омоложение – не чудо, а свидетельство перемены, начавшейся с Гердой. Удлинившиеся резцы безошибочно это доказывали.

Что же предпринял этот злодей-вампир, чтобы вдохнуть новые силы в себя и свою любовницу?

Я пообещал изумленной фрау Келер, что непременно сообщу ей о принятом решении. Немка тактично удалилась, а я, закрыв дверь, сел у изголовья Герды.

Все мои усилия вывести жену из экстатического состояния были напрасны, равно как и попытки загипнотизировать ее (днем это практически невозможно сделать). Но я решил остаться в ее комнате, чтобы понаблюдать за ней. Я проверил, закрыто ли окно, и собирался запереть дверь на случай, если Герда вздумает сбежать. Правда, вряд ли ей удалось бы покинуть комнату – окно и дверь были защищены распятиями и запечатаны священными облатками, – но дополнительные меры предосторожности никогда не помешают.

Но прежде чем я подошел к двери и успел повернуть задвижку, Герда прошептала два слова:

– Владыка Мрака...

Эти слова она произнесла дрожащим голосом. Я застыл на месте, сразу вспомнив недавний кошмарный сон и черное существо, стремившееся поглотить меня.

Кто же он, если даже вампиры с трепетом произносят его имя?

Арминий, где ты? Арминий, мой давний спаситель, прошу тебя, перестань таиться. Помоги мне!

Глава 3

ДНЕВНИК ЖУЖАННЫ ДРАКУЛ

3 мая 1893 года

Она приехала!

Я лежала в своем проклятом ящике. Проснулась я уже давно, но от слабости не могла встать. Да и зачем? Я ощущала себя древней старухой, которую Бог упрямо заставляет влачить свое жалкое существование на этом свете. Ничего я сейчас так не жаждала, как избавления от своих нынешних страданий.

Неожиданно сквозь череду привычных тягостных мыслей я уловила приглушенные голоса, раздававшиеся в глубине замка. Они звучали едва слышно, и поначалу я даже не обратила на них внимания. (Раньше я бы ясно различала каждое слово, но сейчас до меня доносился лишь звук голосов и общий интонационный рисунок отдельных реплик.) Голоса меж тем приближались. Один из них принадлежал Владу. Он говорил с сердечностью радушного хозяина – обычно так он встречал очередную жертву, появлявшуюся в нашем замке.

Потом я услышала второй голос, который сперва ошибочно приняла за мужской. Голос этот был сочным, грудным и бесконечно чувственным. "Уж не влюбилась ли я?" – мелькнула в мозгу шальная мысль... Должно быть, приехал тот самый молодой человек, о котором говорил Влад. Особой ра-

дости я не испытала, ибо знала: Влад сперва насытится сам, а нам с Дуней после его трапезы достанется каких-нибудь несколько жалких капель остывающей крови. Если же, рассчитывая получить больше, я осмелюсь помешать ему, то, скорее всего, вообще ничего не получу.

Стало тихо, а может, я задремала.

Однако, услышав незнакомый смех, я тут же проснулась. Я вслушалась и поняла, что смеется женщина.

Элизабет...

Почему же известие о ее приезде так взволновало меня? Слушая ее беззаботный смех, я уловила в нем обещание чего-то большого и удивительного (я вдруг почувствовала себя ребенком, который вместо одного подарка получил сразу десять). Глупо в нашем положении говорить о каком-то "Божьем промысле", но именно с этой мыслью я заставила себя выбраться из гроба и поспешила в покои Влада, где он принимал свою родственницу. Добравшись туда, я распахнула дверь, даже не постучав.

Влад стоял возле пылающего очага, все такой же морщинистый и седой, но по сравнению со вчерашним днем в нем заметно прибавилось бодрости. Губы порозовели, сгорбленные плечи распрямились. Впервые за много лет он был в превосходном настроении. Но едва он увидел меня, как его улыбка в мгновение ока погасла, а в глазах вспыхнул знакомый мне красный огонь. Сейчас на меня вновь обрушится яростный поток брани (как я посмела самовольно сюда

явиться?).

Пусть гневается! Все мое внимание было поглощено Элизабет.

Назвать Элизабет миловидной значило бы оскорбить ее. Я знаю, что говорю, поскольку сама несравненно прекраснее любой смертной женщины. Чтобы убедиться в этом, мне достаточно заглянуть Дуне в глаза или посмотреть на собственный портрет (хотя Дуня утверждает, что масляные краски не в состоянии правдиво передать фосфоресцирующий блеск моей кожи или особый золотистый оттенок моих темных глаз).

Но Элизабет! "Красота" – слишком несовершенное слово для описания внешности этой женщины. Ее голову украшала модная шляпа с перьями. На ней было облегающее, синее с серебристым отливом платье, удивительно гармонировавшее с ее сапфировыми глазами. Кожа Элизабет белизной и нежностью напоминала кожу ребенка, а на щеках играл столь же нежный румянец. Алые губки дивной формы и лебединая шея умопомрачительной фарфоровой белизны (а эти чарующие впадинки возле ключиц!) были само совершенство. Картину довершали золотистые волосы, стянутые на затылке и послушными волнами ниспадавшие ей на плечи.

Не стану сравнивать Элизабет с собой, ибо наша красота имеет разную природу. Женщина, стоявшая напротив меня, олицетворяла день, а я – ночь. Но будь я мужчиной, сразу же влюбилась бы в Элизабет. Кажется, я не удержалась от

благоговейного возгласа, а когда она устремила на меня свой лучистый всеведущий взгляд, я испугалась, что упаду в обморок.

– Ах, Влад, – произнесла Элизабет голосом глубоким, как воды озера Германштадт, и нежным, словно туман, клубящийся над тем таинственным местом. – Что ж ты сразу не познакомил меня с этим прелестным созданием?

Услышав эти слова, я едва не заплакала, поскольку прекрасно осознавала, что сейчас я больше похожа на ходячий труп, нежели на прелестное создание. Доброта Элизабет растрогала меня, и я кое-как сумела выдавить из себя подобие улыбки. Но что еще удивительнее – Влад без единого возражения поклонился и молвил, указывая на гостью:

– Графиня Элизабет Батори из Чейте, ныне проживающая в Вене. А тебе, дорогая Элизабет, имею честь представить мою племянницу Жужанну Дракул.

Элизабет протянула мне руку в зелено-голубой перчатке, распространявшей тонкий аромат изысканных духов. Но что самое поразительное, ее рука была... теплой. Я взяла ее руку и неуклюже поклонилась.

– А почему не Цепеш? – вдруг поинтересовалась Элизабет. – Вы что ж, полностью отказались от древней фамилии?

Влад церемонно кивнул. Странно, но его гнев бесследно исчез, словно в присутствии Элизабет он не решался показывать свой дурной характер.

– Цепешем я назывался в смертной жизни. Ты же знаешь,

что означает это слово. Нынче я бессмертен, у меня другие интересы, и мне приятнее именоваться Дракулой – сыном дьявола.

– Так значит, дракон и есть дьявол? – озорно спросила Элизабет и рассмеялась.

Смех ее был таким же наслаждением для слуха, как аромат духов – для обоняния. Однако в этот момент с уст моих сорвался мучивший меня вопрос, и Элизабет тут же прекратила смеяться.

– Ваша рука... Она теплая. Кто вы: одна из нас? Или вы сумели достичь бессмертия иным способом! Ведь смертные люди не бывают так красивы...

Губы Элизабет изогнулись в лукавой улыбке. Взмахнув золотистыми ресницами, она искоса поглядела на Влада, будто спрашивая его: "Ну что, рассказать ей?" Влад помрачнел и опустил глаза. Наверное, здесь скрывалась какая-то тайна, о которой Элизабет не хотела говорить. Она вновь рассмеялась (теперь уже с оттенком грусти) и ответила:

– Дорогая моя, я не принадлежу к миру смертных и далеко не молода. Правда, по сравнению с Владом, я еще совсем девчонка, поскольку со дня моей кончины минуло всего двести восемьдесят лет.

У меня опять стали подкашиваться ноги; если бы не рука Элизабет, я бы рухнула на пол.

– Милая моя Жужанна, как же ты слаба! А мы с Владом хороши – даже не предложили тебе сесть!

Бросив на Влада еще один странный взгляд, Элизабет добавила:

– Я бы хотела побыть с Жужанной наедине.

Поначалу Влад недовольно поморщился, затем злорадно ухмыльнулся, будто наконец понял скрытый смысл этой просьбы.

– Никаких возражений, дорогая... Жужанна проведет тебя к себе. Заодно познакомишься и с ее горничной.

– Тем лучше, – откликнулась Элизабет, обнимая меня за талию. – Идем, Жужанна.

Чувствовалось, она искренне хочет мне помочь. Я и в самом деле едва переставляла ноги. Моя щека уткнулась ей в плечо. Я наслаждалась видом ее фарфорово-белой шеи и дурманящим ароматом духов. Как давно я не видела ничего красивого!

Мы медленно спускались по винтовой лестнице. Грудной голос Элизабет напоминал пение виолончели. Она рассказывала о своем венском доме, об очаровании Вены. У меня же едва хватило сил, чтобы прошептать, что, едва увидев Вену полвека назад, влюбилась в город с первого взгляда.

– Это же замечательно! Вена стала еще красивее. Ты сама в этом убедишься, когда окажешься у меня. Я постараюсь восполнить все, чего ты была лишена здесь. Ты совсем обесилела, но я способна смотреть вглубь. Ты – слишком прекрасное создание, чтобы чахнуть среди замшелых развалин.

Элизабет торопливо оглянулась назад. Наверное, она опа-

салась, что Влад услышит наш разговор.

– Не волнуйтесь, он теперь слышит гораздо хуже, чем прежде, – усмехнулась я.

– Это я сразу поняла. На таком расстоянии ему нас не услышать, но предусмотрительность не помешает. Я восстановила капельку его прежнего могущества.

Остановившись, Элизабет повернула ко мне свою прекрасную головку. Несколько локонов, вздрогнув, переместились с плеч на ее полную перламутровую грудь.

– Теперь мы можем поговорить вполне откровенно. А знаешь ли ты, моя дорогая, что Влад почти приказал мне не восстанавливать твои силы?

Мои губы сердито скривились. Я плотно сжала их, но они все равно дрожали от гнева.

– Вы не представляете, насколько он жесток и бессердечен! А ведь я всегда относилась к нему только по-доброму и была послушной.

– Послушной, – язвительно повторила Элизабет и чуть не плюнула на пол.

– Да. А он лгал мне и до того заморил голодом, что я больше не могла охотиться самостоятельно. Я столько лет верила ему, думала, будто он искренне заботится и даже любит меня. Я с детства привыкла самозабвенно обожать "милого дядюшку", а он беззастенчиво пользовался моей доверчивостью и обманывал меня.

Элизабет внимательно слушала мои жалобы, и ее чув-

ственные губы постепенно сжимались, вытягиваясь в тонкую линию. Я рассказала ей про "великодушные" Влада, когда он вызвался один идти на охоту и чем это закончилась для нас с Дуней. Всклипнув, я замолчала, и Элизабет медленно произнесла:

– Так я и думала! Тупое средневековое бревно!

Вновь обняв меня за талию, Элизабет направилась дальше, в глубь мрачного коридора.

Как ни была я слаба, но ее слова вызвали у меня взрыв хохота. Я ловила ртом воздух, не в состоянии ответить, и продолжала хохотать. До сих пор про Влада говорили либо со страхом, либо с благоговейным почтением. Но чтобы назвать его "бревном"... Я просто наслаждалась дерзостью Элизабет.

– Вижу, тебя несколько удивило мое сравнение, – молвила она, чуть наморщив лоб. – Но сама посуди: разве я не права? На дворе тысяча восемьсот девяносто третий год, а Влад застрел в тысяча четыреста семьдесят шестом. Он обращается с женщинами, как с невольницами. Не удивлюсь, если у него до сих пор есть крепостные крестьяне.

Все еще смеясь, я покачала головой.

Нет. Крестьяне разбежались еще полвека назад, когда он нарушил договор...

Элизабет резко запрокинула голову и испытующе посмотрела на меня.

– Договор? Который он заключил с Владыкой Мрака? Так вот зачем он позвал меня сюда?

– Я не про его отношения с дьяволом, – возразила я, рукой показывая на дверь людской и давая Элизабет понять, что мы пришли. – Давным-давно Влад поклялся, что не будет обращать в вампиров членов своей семьи. Когда он нарушил клятву, крестьяне перепугались и решили, что точно так же он может нарушить свое обещание не трогать никого из жителей окрестной деревни... Почему вы смеетесь?

Прижав к груди руку с растопыренными пальцами, которые туго обтягивала шелковая перчатка, Элизабет принялась безудержно хохотать. Тряслась ее голова, тряслись золотистые кудри. Я смотрела на это странное веселье, и оно неприятно задевало меня. Что смешного нашла Элизабет в том, что я сказала? Видимо, она не представляла, каково остаться без слуг.

Но вскоре мое недовольство сменилось удивлением. Лицо Элизабет находилось в непосредственной близости от моих глаз, и даже ослабевшим зрением я рассмотрела ее зубы: небольшие, ровные и ослепительно белые. Зубы обычной смертной женщины, без характерных острых и удлиненных клыков.

– Значит вы – не вампирша, – недоуменно прошептала я. Элизабет почти перестала смеяться, хотя полумесяц губ еще подрагивал. Она крепче обняла меня за талию, а другой рукой стиснула мою руку, окутав пальцы давно забытым теплом.

– Дорогая Жужанна, я такая, какой желаю быть. Не оби-

жайся на мой смех – я смеялась не над тобой, а над Владом. Он заразил тебя своим средневековым идиотизмом. Поверь мне, дьявола не существует.

– А кто же тогда Владыка Мрака? – спросила я.

Сама я ни разу не видела Владыку и, честно говоря, побаивалась встречи с ним. Но часто подслушивала, когда он наносил визит Владу.

Губы Элизабет вновь искривились, но из уважения ко мне она подавила смех.

– Он называет себя Владыкой Мрака, поскольку сам хочет, чтобы его так называли. И потом Владыка Мрака вовсе не обязательно должен иметь мужской облик.

Я ошеломленно смотрела на Элизабет. Она толкнула дверь людской и увлекла меня внутрь.

– Идем, моя дорогая. Тебе нужно еще многое узнать.

* * *

3 мая 1893 года (дописано)

Все вернулось! Сила, красота, радость – все ко мне вернулось.

Войдя в мое жалкое обиталище, Элизабет покосилась на открытый гроб, поблескивающий черными стенками, потом перевела взгляд на второй, в котором спала Дуня. И вновь она постаралась подавить усмешку, но так и не смогла. Заметив в моих глазах недоумение, Элизабет прошептала:

– Как впечатляюще... и как похоже на Влада. Смерть всегда притягивала его сильнее, чем жизнь.

Элизабет подошла ко мне и уже безо всякой улыбки спросила:

– Жужанна, я могу доверить тебе одну важную тайну, но так, чтобы Влад о ней ничего не узнал?

– Я давно не делюсь с ним своими мыслями, а проникнуть в них он не может.

– Дорогая, я не это имела в виду. Я могла бы и сама защитить твои мысли от его вторжения, главное – чтобы ты сама не проговорила. Тогда он ничего не заподозрит. Можешь ли ты, узнав ошеломляющие новости, внешне ничем себя не выдать?

Ее блестящие глаза ждали ответа и действовали на меня возбуждающе.

– Да, могу, если молчание пойдет мне во благо, – сбивчиво пролепетала я.

– О, еще как пойдет! Я восстановила Владу лишь частицу его бывшего могущества. Я солгала ему, сказав, что восстановление будет постепенным, ибо вначале мне хотелось узнать его истинные намерения. Я не доверяю ему. Зато я вижу, что ты, Жужанна, совсем другая. Ты добра и честна, в твоём сердце нет тайных умыслов. Поэтому я сейчас полностью восстановлю твои силы.

Я хлопнула в ладоши (и вновь зашаталась от слабости).

– А Дунины силы вы тоже восстановите?

– Как пожелаешь. Если ты просишь за свою горничную, значит, она и впрямь достойна такого подарка. Но есть одно условие: хотя к вам и вернутся бывшая сила и красота, в глазах Влада вы по-прежнему останетесь дряхлыми, немощными старухами. Ни словом, ни взглядом, ни жестом вы ни в коем случае не должны вызвать у него ни малейших подозрений. Ты мне клянешься?

– Клянусь! – радостно смеясь, воскликнула я.

Я знала, что мне будет трудно удержаться от желания нанести Владу сокрушающий удар или подразнить его своими истинными возможностями, но я отчаянно хотела вернуть себе ту прежнюю, волнующую и манящую жизнь. Ради нее я могла поклясться в чем угодно.

– Превосходно, – выдохнула Элизабет, оглядывая большое, холодное помещение людской. – А теперь, дорогая, ложись.

Я послушно направилась к гробу, но она покачала головой.

– Нет, не туда. Гроб – мерзкая штука. Нам с тобой не нужны напоминания о смерти. Ложись на кровать, Жужанна.

Мы с нею прошли в дальний конец людской, где возле окна стояла узкая кровать, на которой более полувека никто не спал. Я отдернула плотный полог и улеглась на серое домотканое одеяло, скрывавшее бугорчатый тюфяк, набитый гнилой соломой.

Элизабет наклонилась и дотронулась до жесткого тюфяка.

– Жужанна, на таких кроватях спят только слуги! – негодуяще произнесла она.

Она еще раз оглядела помещение.

– Это что же... он загнал тебя в людскую?

Я только тихо вздохнула.

– Нет, дорогая, – Элизабет даже топнула ногой, – хватит твоих безвинных страданий! Когда мы с тобой уедем отсюда и ты окажешься в моем доме, ты будешь спать на безупречно чистых шелковых и атласных простынях, как настоящая королева!

"Когда мы с тобой уедем отсюда..."

Будь у меня сердце смертной женщины, оно немедленно бы забилося, как сумасшедшее, от этих слов. Сама мысль о том, что я буду жить рядом с этим удивительным созданием – щедрым и заботливым, наполнила меня трепетом предвкушения. Неужели я не ослышалась? Неужели Элизабет действительно предложила мне убежать от Влада и жить в ее венском доме?

Возможно ли такое? Я привыкла считать, что мои судьба и сила напрямую зависят от "бесценного дядюшки", от его судьбы и могущества, и что если погибнет он, мне тоже не жить. Во всяком случае так мне всегда говорил Влад, и я верила ему. Неужели он лгал? Неужели он намеренно обрекал меня на страдания в этой постылой глуши?

Мне было легче легкого разозлиться на Влада и ухватиться за спасительную мысль: да, он мне намеренно лгал. А

вдруг не лгал? Эту мысль я сразу же прогнала. Так ли это важно теперь? О, суметь бы только вырваться из-под его влияния, бесстрашно выпорхнуть из этого мрачного замка и отправиться с удивительной бессмертной волшебницей Элизабет навстречу удовольствиям жизни, ждущим меня в больших европейских городах...

– Иначе говоря, я не обязана оставаться подле него? – не могла не уточнить я. – Но Влад утверждал, что мое существование возможно только до тех пор, пока он сохраняет свои силы. Неужели это...

– Ты хочешь знать, правда ли это? – решительно и сердито перебила меня Элизабет. – Не верь ничему, что он тебе говорил! На свете нет никакого дьявола, зато есть король лжи, и зовут его Влад. Дорогая моя, я знаю это чудовище почти триста лет. Я знаю его своекорыстные помыслы. Он сделал тебя подобной себе не потому, что пожалел свою несчастную увечную племянницу, и не потому, что воспылал к тебе любовью. Нет, ты слепо обожала его тогда, а это льстило его мужскому тщеславию. И если он твердит тебе, что его гибель повлечет за собой и твою, то цель его вполне ясна – поработить тебя с помощью твоей же верности ему.

Ее речь повергла меня в замешательство, а потом я горько разрыдалась. Да, будучи смертной женщиной, я слепо поклонялась ему, и отзвуки девичьего обожания до сих пор сохранялись где-то в глубинах моей души. Неужели тогда им двигала не любовь ко мне, а холодный корыстный расчет?

– Милое мое дитя, не лей напрасных слез по своей привязанности к Владу.

Опустившись на колени, Элизабет стянула и небрежно швырнула на пол зелено-голубые перчатки. Потом она протянула руки и сжала мои ладони в своих. От ее кожи, более нежной и мягкой, чем у ребенка, исходила столь мощная волна тепла, что можно было подумать, будто она долго стояла возле пылающего очага. Почувствовав ее прикосновение, я невольно громко вздохнула.

– К тебе вернется твоя бывшая красота. Возможно, ты станешь еще прекраснее и больше не будешь зависеть от Влада.

Элизабет все ниже склонялась надо мной, пока весь мир не превратился в сплошной блеск ее сапфировых лучистых глаз.

"Сверкают, как бриллианты, и такие же холодные", – подумала я и вздрогнула от необъяснимого страха.

– Что вы сделаете со мною? – услышала я свой испуганный голос.

– Поцелую, – прошептала она, наклонившись так низко, что ее сладостное дыхание согрело мои щеки. – Всего один поцелуй.

Элизабет придвинулась еще ближе, и наконец ее мягкие губы слились с моими.

Какими словами мне описать то, что началось потом? Да и можно ли рассказать о бесконечном блаженстве тем, кто никогда его не испытывал?

Я помню ночь своего преображения, когда Влад ушел, оставив меня умирать. Помню необычайно яркие чувственные ощущения, помню ликование, охватившее меня, помню, какими неожиданно острыми стали мое зрение и слух, как мой нос начал ловить далекие запахи. Все последующие годы я хранила память о той ночи. Мне казалось, что больше никогда уже я не испытаю ничего подобного. Так думала я до поцелуя Элизабет!

Я погрузилась в водоворот несказанного блаженства, точнее, оно целиком поглотило меня. Окружающий мир перестал существовать. Все куда-то исчезло: мрачная людская, убогая кровать, Элизабет. Время тоже исчезло. Остался лишь океан непередаваемого наслаждения, окутанный тьмой. Я, Жужанна, утратила свою индивидуальность и растворилась в вечности.

Будь у меня выбор, я осталась бы там навсегда, ибо перед этим всеохватным, не поддающимся никаким описаниям блаженством даже бессмертие казалось чем-то обыденным и заурядным. Однако вскоре я почувствовала, что вернулась в свое тело и лежу на жестком соломенном тюфяке, покрытом пыльным и грязным одеялом. Над собой я увидела радостно улыбающиеся глаза Элизабет.

– До чего же ты прекрасна... моя Жужанна, – прошептала она.

Протянув руку, она помогла мне встать. Но такая помощь мне уже не требовалась. Я поднялась легко, с былой грациоз-

ностью и громко засмеялась, чувствуя силу, пульсирующую в каждой частице моего существа. Нежно касаясь пальцами моего тела, Элизабет обошла вокруг меня, затем подхватила длинную прядь моих волос и почти пропела:

– А как тебе твои локоны, дорогая?

Я взглянула: седина пропала! Мои волосы вновь стали черными, и к ним вернулся знакомый темно-синий отлив.

– Зеркало! – воскликнула Элизабет.

Она оглядела убогие серые каменные стены людской.

– Где здесь зеркало? Ты должна себя увидеть!

– В замке нет зеркал, – печально вздохнула я. – Еще давным-давно Влад приказал все их уничтожить. Но даже если бы они и остались, я бы не увидела своего отражения.

– Что за чушь?

Элизабет вновь схватила меня за руку и потащила прочь из людской.

– Немедленно идем ко мне!

Мы почти бегом направились в покои, где остановилась Элизабет. Теперь я без труда поспевала за нею. Вскоре мы добрались до восточной части замка, где находились комнаты для гостей. Элизабет порывисто распахнула дверь. Я попала в пространство, заполненное множеством чемоданов и саквояжей. Там же я увидела молодую коренастую женщину с серьезным и даже, я бы сказала, суровым лицом. В противоположность моей спасительнице, женщина была на редкость некрасивой. Элизабет кивнула в ее сторону:

– Познакомься, это моя горничная Дорка. Рассудком не обижена и умеет держать язык за зубами. Дорка, это графиня Жужанна, племянница Влада. И чтобы я не слышала от Жужанны ни малейшей жалобы на тебя!

Дорка сделала равнодушный книксен, не удостоив меня даже подобием улыбки.

– Принеси сюда мое зеркало, да поживее, – приказала ей Элизабет.

Когда горничная удалилась в спальню, моя благодетельница полюбопытствовала:

– Так, значит, став бессмертной, ты ни разу не видела своего отражения в зеркале?

– Ни разу.

– Сейчас увидишь.

Едва она произнесла эти слова, в гостиную вбежала Дорка с изящным зеркалом. В его золотую ручку были вделаны крупные жемчужины, а между ними поблескивали бриллианты. Служанка передала зеркало нетерпеливо ожидавшей хозяйке и сразу же вышла.

– Посмотри, Жужанна, какой ты стала.

Я боязливо взяла зеркало и... удивленно вскрикнула, увидев женщину, взирающую оттуда на меня. Нет, женщина – слишком обыденное, даже грубое слово. Ангел... видение... так правильнее было бы назвать неземной красоты незнакомку, что предстала моему ошеломленному взгляду. Дуня была права: никакой портрет не мог передать сказочного ве-

ликолепия моего облика.

Неужели я пятьдесят лет не смотрелась в зеркало? Из его глубин мне смущенно улыбалась молодая черноволосая красавица (о, это восхитительное темно-синее мерцание, струящееся по длинным локонам!). Ровными жемчужинами блестя ее острые зубы, восторженно полуоткрыты рубиново-алые губы, а на дне карих глаз плескалось расплавленное золото. Кожа оказалась такой же нежной, как у Элизабет, и я залюбовалась ее перламутровым блеском, игрой розоватых, бирюзовых и зеленоватых оттенков. Даже довольно резкие черты лица, унаследованные от Влада: тонкий нос, похожий на ястребиный клюв, острый подбородок и густые черные брови – даже они стали мягче и приобрели благородные очертания.

Я оторвалась от зеркала и увидела, с каким восхищением смотрит на меня Элизабет. Она улыбалась и одобрительно кивала головой, словно скульптор, гордый своим творением. Элизабет протянула руку за зеркалом, но мне пока не хотелось с ним расставаться. Почувствовав это, она негромко рассмеялась.

– Мне безумно хотелось изменить твои зубы, – сообщила она. – Но потом я решила оставить их на твое усмотрение. Может, такими они нравятся тебе больше.

– Но такие зубы нужны мне не только для красоты. Как иначе я смогу насыщаться?

Элизабет понизила голос, словно готовилась выдать мне

величайшую тайну и боялась, что нас подслушают.

– Дорогая моя, есть много способов того, что ты назвала "насыщением". Их столько же, сколько тех, кто дерзнул достичь бессмертия.

– Но меня создал Влад, – возразила я. – Укус вампира порождает другого вампира. Разве может быть иначе?

– Может быть так, как ты пожелаешь.

– Я вас не понимаю.

– Договор Влада с Владыкой Мрака не имеет к тебе никакого отношения.

Мысль о таинственном существе (как бы его ни называли – дьяволом или Владыкой) вновь наполнила меня страхом. Я опустила зеркало и, словно в трансе, повторила:

– Владыка Мрака...

Желая меня отвлечь, Элизабет взяла мою руку и приложила к моей же щеке.

– Что ты ощущаешь, дорогая Жужанна? Скажи, что ты сейчас ощущаешь?

На какое-то время я просто онемела. Потом едва слышно прошептала:

– Тепло.

Слезы застлали мне глаза. Одна из слезинок упала на руку. Слезинка была горячей!

– Думаю, это приятнее, чем быть холодным трупом? Оставь мертвецов Владу, они по его части.

– Элизабет, прошу вас, оживите теперь Дуню!

Она молча взяла у меня зеркало, положила на первый попавшийся столик и, без каких бы то ни было возражений, вернулась со мной в людскую (какой убогой показалась мне теперь эта комната!). Я подняла крышку Дуниного гроба. Неужели всего час назад я выглядела так же?

Элизабет заглянула внутрь.

– Да... какая милая девушка.

Она выпрямилась и повернулась лицом ко мне.

– Понимаю, дорогая Жужанна, насколько тебе дорога твоя горничная. Но ты должна быть терпеливой. Сегодня я отдала часть своих сил, вернув толику могущества Владу. Твое полное восстановление потребовало еще больше сил. Сейчас мне нужно отдохнуть. Но обещаю тебе: завтра я оживлю твою Дуню.

– До рассвета остались считанные часы, – попыталась настоять на своем я, главным образом из-за того, что не желала расставаться с Элизабет. – А затем вы сможете отдыхать весь день.

– Нет, дорогая. Мне обязательно нужно встать на рассвете, чтобы насладиться восходом солнца. Обычно мне хватает двух часов сна. Сегодня понадобится чуть больше, поскольку я израсходовала много сил. Дитя мое, вижу, Влад крепко вдолбил в твою головку, что ты можешь бодрствовать лишь вечером и ночью. Скольких же удовольствий он тебя лишил!

– Но это правда. От солнечного света у меня болит все тело. Конечно, при необходимости я могу выйти на солнце,

но крайне ослабну и потом мне будет очень плохо.

– Поверь мне, скоро все изменится. Разве ты не хочешь в одинаковой мере наслаждаться любым временем суток?

Ее вопрос заставил меня задуматься. Последний раз я была в Вене почти четверть века назад. Как мне хотелось тогда заглянуть в какую-нибудь кондитерскую и полакомиться пирожными с кремом! А венские магазины с их обилием модных платьев! Единственное платье, которое я привезла из Вены, мне сшил полуслепой старик-портной (только он отважился явиться в полночь ко мне в гостиницу и снять мерки). До чего же сильно изменилась мода. Я смотрела на платье Элизабет: его вырез был уже не столь откровенным. Платья еще плотнее обтягивали талию и имели непривычные для меня пышные оборки сзади.

Элизабет ждала ответа.

– Но как? – только и могла спросить я.

Она тряхнула головой.

– Нам с тобой нужно будет еще о многом поговорить.

Видя мое нежелание расставаться с нею, Элизабет улыбнулась мне, как капризному ребенку.

– Не волнуйся, дорогая. Завтра мы снова увидимся. И прошу тебя, перестань говорить мне "вы". Ты же не служанка. Пусть я и старше тебя, но у бессмертных возраст теряет всякое значение. Итак, до вечера...

Взяв мою руку, Элизабет наклонилась и поцеловала ее. Странно, но этот поцелуй взбудоражил меня.

Неужели я в нее влюбилась?

* * *

4 мая 1893 года

Проснувшись в тот момент, когда сумерки, словно легкая вуаль, опустились на стены древнего замка, я увидела Элизабет сидящей на стуле возле моего открытого гроба. Внутри меня все сразу же затрепетало от радостного возбуждения. Рядом, улыбаясь, стояла молодая и красивая Дуня. Я едва не задохнулась от счастья.

– Дуня! – воскликнула я и выпрыгнула из своей ненавистной "постели".

Смеясь и плача, мы обнялись с нею, как сестры, давно не видевшие друг друга. Я поцеловала ее в щеку. Дунина кожа тоже стала теплой.

– Дуня, да ты у нас просто красавица! – восхищенно воскликнула я.

– Что вы, доамнэ, куда мне до вас, – смущенно пролепетала она.

По правде говоря, ее красота почти не уступала моей: тонкий правильный нос, длинные черные волосы (правда, от русских предков Дуне досталась заметная рыжина) и по-румынски выразительные черные глаза под плавным изгибом густых бровей.

– А откуда ты это знаешь? – смеясь, спросила я.

Элизабет молча подняла свое зеркало.

Одной рукой я обняла Дунину тонкую талию, а другую протянула нашей благодетельнице, которая сразу же стиснула ее в своей.

– Элизабет, дорогая. Вы... прости, ты так добра к нам! Нам очень хочется чем-нибудь отблагодарить тебя за доброту, хотя любой наш подарок будет выглядеть весьма жалко по сравнению с тем, что ты сделала для нас.

– Видеть ваши радостные лица – лучший подарок для меня.

Поднеся мою ладонь к губам, Элизабет поцеловала ее.

Непонятная дрожь охватила все мое обновленное тело. Чтобы не вскрикнуть, я сняла руку с Дуниной талии и прижала к сердцу.

В этот момент дверь людской распахнулась. На пороге стоял Влад. У меня перехватило дыхание. Забыв слова Элизабет, я испугалась, ожидая чудовищной вспышки его гнева. Я рванулась, готовая убежать, но Элизабет крепко стиснула мои пальцы. Ее ободряющий взгляд говорил: "Не волнуйся, он ничего не знает".

К моему удивлению, Влад не переступил порога людской, более того, он учтиво улыбался.

– Ах, Элизабет, ты неисправима в своей доброте. Я так и думал, что ты отправишься проведать наших бедняжек. А я приготовил для нас с тобой торжественный ужин. Трапеза сервирована в большой гостиной. Прошу тебя проследовать

туда. Я вскоре приду. Мне нужно переговорить с Жужанной наедине.

К моему удивлению (и неудовольствию), Элизабет сдержанно поклонилась и молча покинула людскую. Ее шаги гулко звучали в широком коридоре, а потом по каменным ступеням винтовой лестницы, и это еще более усилило мое недовольство.

Стоя в дверном проеме, Влад провожал взглядом удаляющуюся Элизабет. Он щурился, напрягая глаза. Посчитав, что она уже достаточно далеко отошла, он переступил порог и плотно закрыл за собой тяжелую дверь. Я пыталась угадать по выражению его лица, какой он меня сейчас видит – дряхлой старухой или молодой красавицей. Однако все мои старания были напрасны: лицо Влада не выражало ни удивления, ни гнева, оно оставалось таким, каким я привыкла его видеть все последние годы.

Бревно – вспомнился мне эпитет Элизабет. Нет. Скорее – старый трухлявый пень. Сколько лет я прожила, будто слепой несмышленный котенок, веря каждому его слову. Зачем? – Жужанна, ты меня любишь? – вдруг спросил Влад.

Я чуть замешкалась с ответом, но этого мгновения было более чем достаточно, и лицо Влада помрачнело.

– Понимаю. Элизабет очаровала тебя своими сладкими лживыми речами. Она так искусно затуманила тебе мозги, что ты, поди, уже влюбилась в нее. Должно быть, она пообещала, что вернет тебе прежние силы. Так? Хочу тебя предо-

стеречь: если ты вступишь с нею в сговор, то окажешься на опасной тропе, и тропа эта приведет тебя к гибели.

У меня вспыхнули щеки (какое приятное, почти забытое ощущение!).

– Ты мне угрожаешь? – упиваясь собственной смелостью, осведомилась я.

Но Влад не слышал моих слов (думаю, он действительно не видел, какие перемены произошли с моей внешностью).

– А ты знаешь, кто она на самом деле? – продолжал он. – Она не похвасталась тебе некоторыми своими пристрастиями? Когда-то Элизабет называли "чейтской тигрицей". И знаешь, за что? Еще будучи смертным человеком, она погубила шестьсот пятьдесят невинных девушек, поскольку любила купаться в человеческой крови. Думаю, что, когда она стала бессмертной, это число возросло десятикратно. Советую тебе не верить ни одному ее слову!

– Ты просто лжец, – бросила я, удивляясь своей храбрости.

Раньше я никогда бы не осмелилась произнести вслух подобные слова, ибо для меня они были бы равносильны смертному приговору, подписанному собственной рукой. Я всегда верила, что Влад всецело распоряжается моей жизнью и смертью. Но сейчас я была сильнее его. Несравненно сильнее. Если он попытается расправиться со мной, я его убью.

Я внутренне смеялась, наслаждаясь неожиданной свободой, силой и бесстрашием.

Я не ошиблась: Влад действительно замахнулся, собираясь ударить меня. И вдруг его рука застыла в воздухе почти у самого моего лица, остановленная невидимой силой (благодаря тебе, Элизабет, моя могущественная спасительница!). Его глаза покраснели от ярости, лицо перекосила жуткая гримаса, а из горла вырвалось волчье рычание.

– Держись от нее подальше, Жужанна. Слышишь? Держись подальше, или ты на себе испытаешь весь ужас моей мести!

Я не ответила. Влад повернулся и вышел, хлопнув дверью с такой силой, что она еще несколько секунд содрогалась от его удара.

Откуда-то неслышно появилась Дуня (наверное, пряталась в каком-нибудь углу). Положив руку мне на плечо, она шепнула:

– Как вы думаете, доамнэ, он и в самом деле отомстит нам, если мы снова увидимся с Элизабет? Она такая добрая...

Я обняла свою верную горничную за талию. В ушах еще гудело после весьма экспансивной выходки Влада.

– А ну его к дьяволу, – медленно проговорила я. – Пусть убирается к своему Владыке!

Глава 4

ДНЕВНИК ЖУЖАННЫ ДРАКУЛ

5 мая 1893 года

Я пробудилась от сладкого сна, услышав голос моей дорогой, давно умершей матери:

– Вставай, Жужанна. Вставай, девочка моя. Скоро уже полдень.

Я открыла глаза, но увидела не изможденное лицо мамы, а прекрасный, юный лик моей благодетельницы Элизабет. На ней было светло-желтое муаровое платье с узким стоячим воротником из плотных кружев, окаймлявшим более смелое декольте, чем у прежнего ее наряда.

Я улыбнулась ей и тут же от удивления широко раскрыла глаза: через открытые ставни в окна лился солнечный свет. Но он, как ни странно, не вызывал во мне ни болезненных ощущений, ни слабости.

От этих сюрпризов мои глаза раскрылись еще шире. Поднявшись со своего опостылевшего ложа, я поспешила к окну. словно в первый раз я видела голубое небо и мир, залитый солнцем.

– Сейчас полдень! – закричала я и закружилась по пыльному полу людской, смеясь и плача одновременно. – Элизабет, как такое возможно?

Она лукаво улыбнулась и вместо ответа спросила:

– Не пойдешь ли ты со мной прогуляться и подышать свежим воздухом?

Видя мою нерешительность, она добавила:

– Влад сейчас спит. Я позабочусь, чтобы он ничего не учул. Мы можем встречаться днем, и если захочешь, то каждый день, а он будет думать, что ты спишь в этом хлеву.

Я охотно поверила Элизабет. Вчера она сказала мне правду – Влад не заметил моей вернувшейся красоты и молодости. Я схватила ее за руку, и мы, хихикая, как девчонки, понеслись по гулким коридорам и ступеням лестниц к выходу из замка.

Когда мы выбежали на улицу, Элизабет отпустила мою руку. А мне захотелось снять туфли. Едва мои босые ступни коснулись мягкой, прохладной травы, мне уже было не сдержаться. Раскинув руки, я начала кружиться, будто очумевший от счастья ребенок, которого всю долгую зиму продержали взаперти.

Весна опьяняла меня своими запахами. Ветерок доносил аромат цветущих сливовых деревьев. Лужайка пестрела яркими цветами. Я радовалась синим колокольчикам, ярко-красным макам, ромашкам и белоснежным бурачкам⁴. Где-то весело щебетали малиновки, заливались жаворонки. И как разительно отличались их трели от меланхолических песен соловья и скорбных криков совы – единственных птиц,

⁴ Растение семейства крестоцветных. Другие его названия – алиссум и каменник.

которых мне доводилось слушать в эти долгие пятьдесят лет.

Кружась в радостном неистовстве, я закрыла глаза и подставила лицо солнцу. Его тепло показалось мне дороже и прекраснее всего, что я испытала, став бессмертной.

Потом, не выдержав этого бешеного вращения, я со смехом повалилась на землю и очутилась рядом с распутившейся ариземой⁵. По бирюзовому небу плыли легкие облачка. Меня переполняла радость, и я не могла молчать.

– Элизабет! Ты и недели не живешь в замке, а столько всего успела для меня сделать! Ты возродила мою красоту, дала мне силу и теперь вернула целый мир с его красками!

Так оно и было. Мое бессмертие в действительности обернулось унылым существованием, а моим днем стала ночь. И теперь волшебница Элизабет вернула мне солнечный свет.

– Элизабет, скажи, что я могу для тебя сделать?

– Ну, например, ты можешь вместе со мной навестить одного молодого человека, приехавшего к Владу в гости.

– В замке гость?

Я села и, откинувшись назад, уперлась руками в поросшую шелковистой травой влажную землю. Элизабет грациозно опустилась на щербатый камень. Перспектива запачкать свой изысканный наряд волновала ее не больше, чем мальчишку-сорванца, одетого в лохмотья. Широко расста-

⁵ Вероятно, речь идет об ариземе белоснежнейшей – самой распространенной из обширного семейства этих растений (окультуренный вариант известен как каллы), любящей сырые места.

вив колени, она поставила локоть на одно из них и положила на раскрытую ладонь подбородок. Ветер трепал подол ее нежно-желтого платья, и великолепная ткань цеплялась за острые выступы на камне, но Элизабет словно этого не замечала. Судя по выражению ее лица, природные красоты уже не вызывали в ней такого бурного восторга, какой будили в моей душе. Ее развлекало мое ликование – глаза Элизабет были сосредоточены исключительно на мне. Она слегка улыбалась, как улыбается хозяйка, глядя на своего резвящегося щенка.

Все эти мысли успели промелькнуть в моей голове, прежде чем я спросила:

– А когда он приехал?

Известие о его появлении напомнило мне, что я очень давно не вкушала теплой крови. Голод довольно громко и настойчиво требовал удовлетворения.

– Вчера вечером.

– Как же мы ничего не слышали?

Элизабет вздохнула.

– Думаю, это я виновата. Влад, скорее всего, наложил какое-нибудь заклятие, чтобы скрыть от нас то, что он привез гостя. Клянусь тебе, меня вчера так потрясла и опьянила твоя красота, что я утратила бдительность, иначе я бы сразу почуяла: Влад что-то затевает, и вмиг рассеяла его чары. Но мы с тобой ничего не потеряли. Гость преспокойно спит себе в комнате, куда его поместил Влад. Я слышала храп и

зашла взглянуть. Довольно симпатичный молодой человек, здоровый и сильный. Так как, пойдём его провести?

Элизабет бросила на меня невиннейший взгляд и дразнящим тоном добавила:

– Я вижу, как ты проголодалась, Жужанна.

Желание насытиться боролось со страхом.

– Влад мне этого ни за что не простит! Он уничтожит меня, если увидит на шее гостя отметины от зубов.

– Не беспокойся, он ничего не увидит. В любом случае, я не позволю ему причинить тебе вред.

– Но как такое возможно?

Элизабет усмехнулась и широким взмахом руки обвела цветущую лужайку.

– А как *такое* возможно? Если ты будешь доверять мне, дорогая, то доподлинно узнаешь, сколь велико мое могущество.

Я глубоко вздохнула и вскочила на ноги.

– Тогда не будем терять времени!

Я подхватила туфли и, решив, что не хочу их надевать, бо-сиком побежала к крыльцу. Элизабет устремилась за мной. И вновь мы, как две беспечные школьницы, со смехом неслись по коридорам, но теперь наш путь лежал в другую часть замка. Наконец мы остановились перед массивной резной дверью.

Элизабет была права: из комнаты доносился громкий храп. Настолько громкий, что я удивилась, как от него еще

не рухнула дверь. Прикрыв рот, чтобы не расхохотаться, я шепнула своей спутнице:

– Бедная его жена!

– Можешь говорить в полный голос. Он очень крепко спит.

Элизабет жестом гостеприимного хозяина распахнула дверь.

– Он твой, дорогая, – обратилась она ко мне. – Делай с ним, что пожелаешь. Я понаблюдаю за тобой, а потом немного развлекусь сама. Только одно маленькое предупреждение: ты должна сохранить ему жизнь и оставить в нем достаточно сил, чтобы ни он, ни Влад ничего не заподозрили. Я позабочусь об отметидах на его шее – они исчезнут без следа. Но учти: он не должен выглядеть слишком бледным, это может возбудить подозрения.

Мне почему-то и в голову не пришло спросить у Элизабет, почему ее так заботит эта бледность. Если она способна мгновенно удалить следы укуса, неужели ей столь сложно вернуть лицу гостя румянец? Но в тот момент меня больше занимало, каким окажется "развлечение" самой Элизабет. А потом... потом я почуяла запах живого тела, который вытеснил из головы вообще все мысли.

Я вдыхала аромат теплой крови, который несколько заглушал запах мужского пота двух– или трехдневной давности. Элизабет тоже уловила этот тяжелый дух.

– Долго же он сюда добирался, – шепнула мне она и брезг-

ливо поморщила нос.

Я быстро смирилась с этим запахом, как смирилась и с полуоткрытым ртом гостя. Сон гостя был столь глубок, что он не замечал, как из уголка губ капала слюна, а могучий храп разбрызгивал ее капельки во все стороны. Он лежал на спине, широко раскинув ноги и позой своей напоминал полуобнаженную натуру на цветном полотне Леонардо да Винчи.

Гость явно отличался привычкой к аккуратности: свой шерстяной костюм он не швырнул куда попало, а повесил на ближайший стул, поместив туда же и шляпу. Чувствовалось, он привык одеваться добротнo, что свойственно преуспевающим людям. Характер этого человека не был для меня загадкой: целеустремлен, напорист и, скорее всего, добропорядочен до скуки. Впрочем, я не рассматривала его в качестве спутника жизни. Сильные руки, выпростанные из-под одеяла, и мускулистый торс (правда, я видела лишь верхнюю часть) были вполне в моем вкусе. Англичанина нельзя было назвать ни слишком полным, ни слишком худым. Каштановые вьющиеся волосы великолепно сочетались с округлыми розовыми щеками и слегка вздернутым носом. Все это придавало лицу гостя мальчишеское выражение, отчего он выглядел лет на пять моложе своего истинного возраста.

– Его не мешало бы выкупать, – шепотом заметила мне Элизабет.

Честно говоря, мне вовсе не мешал его запах. Я очень проголодалась и хотела поскорее припасть к шее англичани-

на. Даже если бы он весь извалялся в навозе, меня бы и это не остановило. Однако кровь, как и кушанье, можно сделать вкуснее, если умело добавить "приправу". Этим-то я и собиралась заняться. Краешком глаза я увидела, что Элизабет вышла из комнаты, но сейчас меня совсем не интересовало, куда и зачем. Все мое внимание было сосредоточено на госте. Медленно и осторожно, чтобы его не разбудить, я отвернула одеяло. Англичанин спал в белой ночной рубашке. Три верхние пуговицы он оставил расстегнутыми, благодаря чему я получила возможность полюбоваться на завитки каштановых волос у него на груди. Оставалось добраться до самого укромного "кустика", что я и сделала, полностью откинув одеяло. Подол его ночной рубашки скомкался и задрался вверх... Будто древесный, окаймленный кустарником ствол, слегка клонясь в сторону тела и подрагивая, бодрствовал набрякший член гостя.

Кем я была при жизни? Увечной, застенчивой старой де-вой, не смевшей даже мечтать ни о любви, ни о близости с мужчиной. Став бессмертной, я решила взять реванш за свою прежнюю жизнь и не отказывала себе ни в каких удовольствиях. Очень скоро мне открылся удивительный секрет: кровь мужчины, удовлетворившего свою страсть, сла-достнее любого нектара, и мой экстаз (от самого слияния и от насыщения этой дивной кровью) становится в десять раз сильнее.

Я улеглась рядом с гостем и загипнотизировала его, что-

бы не проснулся раньше времени. Я намеревалась овладеть им сейчас же, не мешкая, успев все сделать до возвращения Элизабет. Странно, но мне почему-то было стыдно заниматься подобными вещами у нее на глазах. До сих пор чужое присутствие никогда мне не мешало, и я могла предаваться близости, когда рядом находились Влад, Дуня или мой бедный погибший брат. Если удавалось, я проделывала это с двумя или тремя мужчинами сразу. Но в присутствии Элизабет я испытывала непонятное чувство вины... словно я нарушала супружескую верность.

Однако прежде, чем я успела задрать платье и усесться на свою дорогую жертву, в комнату впорхнула Элизабет.

– Сейчас мы его выкупаем, – шепнула она. Ее сапфировые глаза сияли в предвкушении развлечения. – Дорка готовит ему ванну.

– Можешь говорить в полный голос. Я навела на него чары.

Я хотела добавить, что слишком голодна и не могу ждать, пока он вымоется. Если уж ей так нужно выкупать гостя, я просто напьюсь его крови прямо здесь, а потом пусть она развлекается дальше.

– Не торопись, – многообещающе улыбаясь, перебила меня она. – Ну почему бы нам все-таки сначала не поразвлечься?

Глядя на спящего, Элизабет всего-навсего слегка качнула подбородком. Гость что-то промычал и мгновенно проснул-

ся (я едва успела спрыгнуть с кровати).

Он открыл свои добродушные светло-карие глаза и не сразу понял, где находится. Затем, вспомнив, мотнул головой и огляделся. Увидев двух хорошеньких женщин, он немедленно сел на постели. При виде незнакомок его добродушные светло-карие глаза округлились от удивления, а заметив, в каком виде он предстал перед ними, англичанин покраснел до корней волос. Я думала, что лопну от сдерживаемого смеха.

– Черт побери! – выругался он (у него был приятный баритон).

Большого не позволяло его воспитание. С быстротой, которой позавидовал бы и вампир, англичанин натянул одеяло едва ли не на нос. Очумело вращая глазами, он произнес:

– Леди, мне крайне неприятно, что вы застали меня в столь неподобающем для джентльмена виде!

Меня распирало от смеха. Не в силах более сдерживаться, я прижала руки ко рту и беззвучно затряслась. Элизабет и тут пришла мне на выручку, обратившись к гостю на безупречном английском (столь же безупречном, как и ее румынский. Впрочем, меня это не особо удивило: венгры отличаются поразительной способностью усваивать иностранные языки и полиглоты среди них не редкость):

– Уважаемый сэр, покорнейше просим нас извинить за это вынужденное вторжение!

Произнеся эти слова, Элизабет сделала глубокий реве-

ранс. Выражение ее лица, не в пример моему, было серьезным и учтивым.

– Мы пытались добудиться вас, стучась в дверь, но так и не смогли. Наш хозяин, – Элизабет не обратила ни малейшего внимания на мой удивленный взгляд, – вчера строго приказал нам приготовить для вас ванну не позднее часа пополудни и позаботиться, чтобы вам было приятно мыться. Я пришла доложить вам, что ванна готова. Пока вода вполне горячая, но может остыть. Не будет ли вам угодно, сэр, совершить омовение?

Англичанин мешкал, переводя взгляд с меня на Элизабет и обратно. Я в своем венском муаровом платье, давно вышедшем из моды и заношенном до дыр, была больше похожа на служанку, чем она, одетая по последней моде. Но нас обеих "подводила" наша неземная красота.

Я чувствовала: сейчас он откажется и вежливо выпроводит нас из комнаты. Элизабет, тоже разгадавшая его намерения, заговорила умоляющим тоном:

– Сэр, прошу вас! Наш хозяин суров и отличается вспышками гнева. Если он узнает, что вы отказались, он посчитает виновными нас и прикажет жестоко выпороть!

Англичанин заморгал, судорожно пытаясь найти убедительную причину для отказа, но потерпел неудачу.

– Что за варварство! – наконец пробормотал он.

Элизабет осмелела и слегка потянула его за рукав ночной рубашки. Если бы не голод, все более властно заявлявший о

себе, я бы, наверное, каталась сейчас по полу.

– Сэр, умоляю вас, пойдёмте, – с напускным ужасом проговорила она.

Замешательство гостя было вполне очевидным, однако природная доброта взяла верх.

– Хорошо, мисс, я согласен. Пожалуйста, подождите меня за дверью. Я оденусь и выйду.

Элизабет радостно кивнула. Мы молча удалились. Очтившись по другую сторону двери, мы обнялись и затряслись от смеха.

Не прошло и пяти минут, как послышались его шаги. Мы спешно сделали серьёзные лица. Дверь распахнулась. Англичанин предстал перед нами – в темно-фиолетовом смокинге с черным бархатным воротником и бархатным поясом, длинных брюках и кожаных домашних туфлях. Влажные каштановые волосы были аккуратно расчесаны. Только щеки оставались красными, словно это он был виноват в недавнем происшествии, а не мы с Элизабет.

– Я готов, – объявил он.

Мы направились в покои Элизабет (ванна находилась там).

– Должен признаться, меня очень удивляют ваши наряды. Вы одеты совсем не как служанки, – заметил гость, пока мы шли.

Я улыбнулась, а Элизабет вполне серьёзно пояснила:

– Видите ли, сэр, наш хозяин хотя и бывает иногда жесток,

но в то же время он способен проявлять удивительную щедрость.

Я снова едва не поперхнулась от смеха.

Англичанин понимающе кивнул. Дальше мы шли молча.

Дорка уже дожидалась нас с несколькими широкими полотенцами, висевшими у нее на руке.

– Ванна готова, – сказала она по-венгерски.

Элизабет кивнула, взяла полотенца и обратилась к англичанину:

– Прошу сюда, сэр.

Спотыкаясь, он прошел в покои Элизабет, где его замешательство заметно возросло (разумеется, ведь он предполагал увидеть ванную комнату!). Посередине просторного роскошного будуара стояла большая круглая железная лохань, наполненная горячей водой. Лохань поддерживали четыре массивные ножки, сделанные в виде когтистых лап.

– Леди, я благодарю вас за помощь. Дальше я справлюсь сам.

Он кивнул, прося нас уйти.

Элизабет сделала испуганное лицо.

– Но, сэр... если я в точности не исполню все повеления хозяина... Он приказал нам вымыть вас, чтобы вам было приятно.

Я поняла намек Элизабет и, лукаво улыбаясь, подошла к англичанину. Одним легким движением я развязала пояс его смокинга. Внизу оказалась все та же ночная рубашка, за-

правленная в брюки.

Неужели все мужчины конца девятнадцатого века успели сделаться такими блюстителями нравов?

– Послушайте, мисс! – сердито воскликнул англичанин. Это переходит всякие границы! Оставьте меня в покое. Я обручен и собираюсь жениться!

Подоспевшая Элизабет, игнорируя его недовольные возгласы, быстро стянула с нашей жертвы смокинг. Англичанин пробовал высвободиться, но мы были сильнее и держали его крепко.

– Не надо быть таким скромником, сэр! – упрекнула его Элизабет, причем произнесла эту фразу с такой искренностью, что я почти поверила будто она – заботливая служанка, действующая по приказанию Влада. – В нашей стране издревле принято, чтобы женщины помогали мужчинам мыться.

Она заломила гостью руки за спину (он мог только огрызаться), а я, встав на колени, расстегнула и сняла с него брюки. Под ними оказались шелковые мужские панталоны. Не обращая внимания на испуганные крики англичанина, я сдернула и их. Затем настал черед кожаных домашних туфель.

Оставался последний оплот, скрывавший наготу нашего гостя, – ночная рубашка. С помощью Элизабет я сняла ее через голову. Теперь по насыщенности цвета лицо англичанина без труда могло соперничать с его собственным смокингом.

Он скрючился в отчаянной попытке хоть как-то прикрыть свое причинное место, но с заломленными руками это было невозможно.

Элизабет осуждающе прищелкнула языком и сказала мне по-румынски:

– Как их испортила викторианская эпоха. Наворачивать на себя столько одежды! Это же вредно для здоровья.

Она подтолкнула гостя к лохани.

– Полезайте в ванну, сэр!

Англичанин стоял как вкопанный. Тогда, по-прежнему не выпуская его рук, Элизабет легко подняла гостя и погрузила в горячую воду. Наверное, вода была слишком горячей, ибо англичанин вскрикнул и поначалу поднялся на цыпочки, рискуя обнажить перед нами то, что так тщательно пытался скрыть. Но стыдливость оказалась сильнее, нежели страх обвариться, и англичанин, пыхтя, опустился ниже. Вскоре из воды торчали только шея и голова, окутанные клубами пара. Англичанин намеренно притиснулся почти к самому краю лохани, чтобы как можно меньше голого тела было открыто нашим нескромным взглядам.

Взяв изящный кусок душистого французского мыла, Элизабет церемонно подала его гостю.

– Прошу вас, сэр!

Сидя на корточках, англичанин протянул мокрую руку и взял мыло. Положение его было более чем щекотливым. Чувствовалось, он напряженно обдумывает, как бы так ис-

хитриться и, не нарушая приличий, вымыться на глазах у этих решительных и по-мужски сильных служанок. Здравый смысл требовал встать во весь рост (иначе не намылишься), однако стыдливость победила и в этом вопросе. Оставшись сидеть на корточках, он пытался намылиться... под водой.

– Я закончил, – наконец объявил гость. – Попрошу дать мне полотенце.

– Так не моются, – возразила я и стала расстегивать платье.

Представляю, в какие панцири, именуемые нижним бельем, викторианская эпоха заковала тела женщин. У меня же под стареньким платьем не было ничего, кроме моей перламутрово-белой кожи.

Вскрикнув, англичанин с решительностью истинного джентльмена отвел глаза. Но внутри него шла битва между викторианским воспитанием и плотским желанием. Я сбросила платье на каменный пол и двинулась к лохани, сияя великолепием своей наготы. Я была красивее и совершеннее Венеры, вышедшей из морской пены⁶. И конечно же, англичанин украдкой поглядывал на меня!

Я влезла в лохань и опустила перед ним на колени. Вода подхватила мои волосы, и их пряди закачались на ее поверхности, будто стебли диковинных иссиня-черных водорослей. В сравнении с тусклой кожей англичанина, моя – сияла. Во-

⁶ Этот миф в большей степени относится к Афродите, которую римляне включили в свой пантеон и переименовали в Венеру.

да показалась мне не горячей, а приятно теплой.

За спиной раздался голос Элизабет, дрожащий от возбуждения. У меня вдруг пропал стыд — я знала, что теперь ее присутствие мне не мешает.

— Не тревожьтесь, сэр, — обратилась она к англичанину. У нас так принято: после мужчин женщины моются в той же воде. Вы же не станете ломать старинный обычай...

Бедный англичанин прижался лодыжками и коленями к горячей стенке лохани, впившись пальцами в ее борт.

— Прошу вас, мисс, дайте полотенце! Мне очень неловко. У нас в стране совсем другие обычаи.

Я пододвинулась ближе, пока наши ноги не соприкоснулись. Англичанин вздрогнул и дернулся всем телом. На полу вокруг лохани разлилась лужа. Я знала: он решил во что бы то ни стало сохранить верность своей невесте и готов был употребить на это всю имевшуюся у него волю. Тогда я высунула из воды руку, дотронулась до его небритого подбородка и повернула лицом к себе.

Его воля была сильной, но не настолько, чтобы противостоять моему желанию. Едва его глаза встретились с моими, как он попал под мою власть и вздохнул, радуясь избавлению от всех барьеров, которыми себя окружил.

— Вы — самое удивительное и необыкновенное создание. Таких женщин я еще не видел, — прошептал он и потянулся ко мне.

Наши губы слились в страстном поцелуе (его желание бы-

ло ничуть не слабее моего). Наверное, когда я в последний раз предавалась любовным утехам, этому джентльмену было лет пять, а может, и того меньше. Я думала, что сойду с ума – так я хотела его тела и крови. Мои жадные поцелуи быстро превратились в легкие торопливые укусы, которыми я покрывала его плечи и шею. Он поднял меня – ему не терпелось добраться губами до моей груди.

Но к неудовольствию распаленного гостя, я отодвинулась от него и прислонилась спиной к стенке лохани, маня его приблизиться ко мне. Он послушно исполнил мою волю и смущенно застыл. Похоже, ему еще не приходилось заниматься *этим*. Неужели девственник? Такого забавного поворота я действительно не ожидала. Когда англичанин оказался рядом, я вспрыгнула на борт лохани и обхватила коленями его бедра.

Намереваясь показать своему невинному ягненочку, как *это* делается, я совсем забыла про Элизабет. Меж тем она стояла рядом – полностью обнаженная и более прекрасная в своей наготы, чем я. Мой неумелый любовник перестал для меня существовать, ибо я впилась взглядом в нее. Меня совершенно заворожили ее бесподобные синие глаза, но еще больше – ее тело, сверкающее, будто свежевывавший снег на солнце. Я не могла отвести взгляда от ее груди – большой, полной груди зрелой женщины, но сохранившей девичью упругость. Мне вдруг захотелось припасть к ней губами, ласкать нежные розовые соски. Неожиданно проснувшаяся

страсть к женщине ошеломила меня. Я заставила себя перевести взгляд на англичанина, которого Элизабет подготавливала к потере невинности.

Крепко обхватив беднягу, Элизабет направляла его к цели. Я отклонилась, облегчив его члену первое знакомство с женским лоном. Войдя в меня, англичанин застонал от удивления и радости. "Так вот, оказывается, каков этот запретный плод!" – говорило все его существо, вырываясь из темницы викторианской морали.

И сейчас же его член заскользил внутри меня, подчиняясь дикому, необузданному и безудержному желанию. Я тоже не могла удержаться и вцепилась в англичанина, вскрикивая от каждого его движения. Обезумев от страсти, я едва ощущала руку Элизабет. Ее большой и указательный палец плотным кольцом сжали член у самого основания, сделав его еще тверже, чтобы и англичанин, и я получили как можно больше наслаждения.

Но скоро... слишком скоро он излил в меня все, что так долго копилось в нем. Внутри меня разлилась теплая волна. В этот момент мое нестерпимое желание уступило место нестерпимому голоду. Я впилась зубами в теплую мокрую кожу англичанина, прокусив ее на уровне плеча, и припала губами к ране. Такой сладчайшей амброзии я еще никогда не пробовала: экстаз, пережитый совращенным девственником, и мой затянувшийся голод делали ее необычайно вкусной.

Англичанин стонал от наслаждения, наслаждения жерт-

вы, ибо "темный поцелуй" всегда доставляет людям непередаваемое чувственное удовольствие.

– Сделай рану пошире! – крикнула мне Элизабет. – Раздери кожу, пусть кровь льется. Не бойся, Влад ничего не узнает!

Я впилась зубами в его кожу (стараясь не приближаться к шее, чтобы ненароком его не убить). Я трясла головой, будто собака, треплющая пойманную крысу. Мой любовник вновь застонал, боль дарила ему дополнительное наслаждение. Его сильная ярко-красная кровь запачкала мне щеки, веки, грудь, руки. Я пила. Пила, пока не опьянела, пока не ослепла и не оглохла, полностью позабыв обо всем, кроме медленных ударов сердца англичанина.

Так могло бы продолжаться, пока его сердце не остановилось бы совсем, но чьи-то сильные руки оторвали меня от дивного пиршества. Я подняла голову, моргая, будто сова, на которую направили фонарь, и увидела Элизабет. Она подхватила нашего обессиленного гостя, вытащила из воды и уложила на полотенце, расстеленное на полу.

Лицо красавицы Элизабет было перемазано его кровью. Никакой ангел, никакая богиня не сравнились бы с ней сейчас – до того она была прекрасна. Затем она легко извлекла из остывающей воды, заметно подцвеченной красным, и меня. Я обняла ее за шею, чувствуя себя Психеей, спасенной Эросом⁷.

⁷ В греческой мифологии все наоборот: там именно Психея спасает Амура (он

Осторожно, будто ребенка, Элизабет положила меня рядом с англичанином и подала мне полотенце. Потом она опустилась на колени между нами и стала покрывать свое тело кровью из его раны. Она прижималась к ране губами, щеками, грудью и животом. Смочив в крови пальцы, Элизабет вдруг стала мазать ею мои губы, живот и грудь. Грудь она уделила особое внимание. Прикосновение Элизабет было нежным, как перышко колибри. Очертив одну грудь, она стала двигать палец к соску, но делала это необычайно медленно, рисуя круг за кругом. Мое возбуждение нарастало. Потом то же самое она стала делать со второй грудью. Я уже не могла лежать спокойно, мои ноги извивались, ударяясь о каменные плиты, будто хотели покинуть меня и убежать. Но мое сердце жаждало остаться.

Утоленный голод принес с собой сонливость. Мне не хотелось шевелиться, и я была готова заснуть прямо на полу, забыв и про англичанина, и про Элизабет. Но когда ее губы приникли к моим и кончиком языка она начала слизывать с них капельки крови, я вдруг ощутила, что удовлетворила только голод. Страсть продолжала бушевать во мне, словно лесной пожар.

Казалось, вспыхнувшее пламя сожжет меня изнутри. Неужели это запретная любовь разожгла его? Дотронувшись одной рукой до затылка Элизабет, а другой – до ее спины, я заставила ее лечь на меня... Я пережила удивительное мгно-

вание. Впервые за свои восемьдесят лет я ощутила любовь в ее истинном смысле – через соприкосновение двух теплых тел.

Элизабет покрывала поцелуями мое лицо, грудь, живот, с удивительным изяществом слизывая с кожи капельки застывающей крови. Потом она приподнялась и снова потянулась к раненому плечу нашего гостя, чтобы еще раз окунуть пальцы в его кровь.

А дальше произошло такое, отчего даже сейчас, когда я пишу, у меня начинают дрожать руки... Раздвинув мне ноги, Элизабет вошла своими окровавленными пальцами в мое лоно. Лаская его, она наклонилась и принялась слизывать кровь с моих бедер.

Я провалилась в бездонную пропасть наслаждения. Что было дальше, я почти не помню. Кажется, я стонала от страсти. Повторяю: все это было очень далеко от меня, будто стонал кто-то другой, а не я.

Но зато в мое забытие прорывались полные сладостной истомы вздохи моей дорогой Элизабет. Она, моя красавица, моя фея, лежала рядом. Я принялась осторожно убирать влажные локоны с ее лба. Почувствовав мое прикосновение, Элизабет открыла свои бесподобные синие глаза и улыбнулась. Я наклонилась и нежно поцеловала ее. Мы надолго замерли в объятиях друг друга.

Наконец-то я обрела то, что Влад лишь обещал мне, – вечную любовь. Я обрела возлюбленную.

– Дорогая, а теперь вставай, – услышала я голос Элизабет.

Я открыла глаза. Англичанин мирно посапывал, лежа на полотенце. От раны на его плече не осталось и следа.

Элизабет повела меня в соседнюю комнату, заставленную чемоданами, и раскрыла один из них. Себе она выбрала очаровательное бледно-желтое платье с широким кружевным воротником того же цвета, а мне – ярко-синее атласное со вставками из черного бархата. Потом она проводила меня до людской.

– Мы же совсем забыли про бедную Дуню! – воскликнула я, когда мы были уже у самой двери.

Элизабет улыбнулась и ободряюще похлопала меня по плечу.

– Не волнуйся, дорогая. Пока я здесь, я не позволю Дуне голодать. Но сейчас, милая Жужанна, даже ей не нужно знать о наших тайных встречах.

Я вздохнула, вынужденная согласиться с нею, хотя в душе мне было стыдно, что я оставила свою преданную горничную голодной.

Элизабет сразу же поняла мое состояние. Она очень нежно, но твердо взяла меня за подбородок и заглянула в глаза.

– Ложись и отдохни, – ласково, но твердо велела она. – К вечеру ты проснешься, и Влад ничего не заподозрит. Сомневаюсь, чтобы он позволил нам встречаться. Но обещаю, я сделаю все возможное и постараюсь его убедить, что вы с Дуней не должны без конца испытывать муки голода. Если

он согласится, ты целиком отдашь ей ужин.

Уходя, она нежнейшим образом меня поцеловала.

– Если хочешь, дорогая, мы вместе встретим восход солнца. Ты согласна?

Ее предложение наполнило меня такой радостью, что я громко воскликнула:

– Элизабет! Я готова тебя любить вечно!

В ответ она только улыбнулась.

* * *

9 мая 1893 года

Я опять проснулась от чарующего голоса Элизабет и увидела над собой ее прекрасное лицо.

Событий вчерашнего вечера я почти не помню. В памяти всплывает лишь то, как обрадовалась, когда Элизабет успокоила меня насчет Дуни. Моя верная горничная неплохо выглядела и была полна сил. Это утешило меня, ибо я корила себя, что не разбудила ее и не взяла с собой.

Воспоминания же о вчерашнем дне до сих пор вгоняют меня в краску.

К тому же вечером мне не удалось увидеться с Элизабет. Подозреваю, что Влад не доверяет ей и старается держать при себе, а Элизабет, не желая провоцировать его гнев, вынуждена подчиняться. Может, даже лучше, что я ее не видела, поскольку Влад наверняка заметил бы, с какой радостью

и восхищением я на нее гляжу.

Элизабет с материнской нежностью провела рукой по моему лбу и щеке.

– Дорогая, мне тяжело смотреть на то, как ты спишь в этом убогом ящике. Надо полагать, Влад убедил тебя, что по-иному ты спать не можешь. Я тебе уже говорила: его ограничения тебя не касаются. Не хочешь ли перебраться в мою кровать?

– Я сделаю все, только бы доставить тебе радость, – промурлыкала я, целуя ее руку.

– Поверь, мне будет очень радостно видеть тебя рядом.

По правде говоря, мое внимание было сосредоточено не только на Элизабет. За окном первые розовые лучи солнца стремились пробить завесу жемчужно-серых облаков. Мне отчаянно захотелось выбраться из замка и вдохнуть свежий утренний воздух.

– Пойдем гулять! – предложила я Элизабет. – Не хочу смотреть на рассвет через пыльное стекло.

– А ты заметила, что моросит дождь? В любую минуту он может превратиться в ливень.

Элизабет провела по своим тщательно уложенным золотистым локонам, будто одно лишь упоминание о дожде могло испортить ее прическу.

– Ну и пусть! – с детским упрямством возразила я. – Ты можешь не выходить, а я соскучилась по свежему воздуху.

При первых же моих словах Элизабет весело рассмеялась

и продолжала улыбаться, пока я не окончила фразу.

– Я обязательно пойду с тобой, дорогая. Просто я не думала, что ты уже настолько окрепла. Но раз ты хочешь гулять, то быть посему, как говорили в старину.

Взяв ее за руку, я выбралась из своего порядком опустылевшего убогого гроба. Мы повторили вчерашний путь к выходу из замка. Наши платья мягко шелестели при каждом шаге. Бросая на меня восхищенные взгляды, Элизабет заметила:

– Как замечательно сидит на тебе это платье, дорогая. Оставь его себе, – предложила она. – Я хочу, чтобы ты выбрала себе еще несколько – любые, какие тебе понравятся. Если понадобится, Дорка легко подгонит их под твою фигурку.

– До чего же ты добра, Элизабет!

Я буквально пылала от любви к ней, словно мое сердце стало громадной печью, в которой наконец-то вспыхнул огонь.

– До чего ты прекрасна, моя Жужанна...

Мы подошли к тяжелой резной двери. Распахнув ее, я вдохнула влажный прохладный воздух. Как же давно я не видела дождя, тихо морозящего с самого утра! Небеса и все пространство под ними было окрашено в оттенки серого. Конечно, куда больше радости мне бы доставили искрящиеся капельки дождя, вспыхивающие бриллиантовыми россыпями в ярких лучах солнца. Но меня абсолютно не разочаровала и такая погода. Мне хотелось выйти за дверь и подставить

легкой мороси лицо и руки.

Что такое? Как ни старалась я переступить через порог, мне это не удавалось. Я натыкалась на невидимую преграду. В отчаянии я повернулась к Элизабет, уповая на ее помощь.

То, что я увидела в следующее мгновение, искренне изумило меня.

Преграда не пропускала и Элизабет! Смачно выругавшись по-венгерски, она сердито топнула своей изящной ножкой. Белки ее глаз сделались ярко-красными, а кожа побледнела. Лицо богини сморщилось от злости.

Я непоколебимо верила в могущество Элизабет, до такой степени, что вели она мне пойти по воде, я бы пошла. И сейчас я ждала, что она прорвется наружу и выведет за собой и меня.

Этого не случилось. Элизабет стояла чуть правее меня, сердито глядя на невидимый барьер. А я-то считала, что ей подвластно все!

Дверь располагалась так, что в ее проеме мне было не увидеть ни восходящего солнца, поднимающегося из розовых облаков, ни чистого снега на вершинах далеких гор. Оставалось смотреть на все эти красоты из окна. Но мне надоело смотреть на мир из окон. Я протянула руку (она почему-то смогла преодолеть невидимую преграду) и подставила ладонь дождю. Капли крохотными бусинками оседали на черном бархате и растекались по синему атласу, делая его темнее. Утром и днем мерно стучащий дождь действует на

меня умиротворяюще, а глухой ночью его скорбная дробь всегда нагоняет невыразимую тоску.

Я опустила руку и повернулась к Элизабет.

– Нас заперли, – вздохнула я.

Элизабет едва сдерживала свой гнев, хотя ее глаза были уже не такими красными.

– Никто нас не запирает!

– Тогда почему нам не выйти из замка?

Элизабет нахмурилась, будто я задала в высшей степени неприличный вопрос, и нехотя ответила:

– Потому что Влад устроил свой гадкий трюк. Никак не думала, что он опустится так низко. Не волнуйся, Жужанна, вскоре я все улажу. Я могла бы и сейчас прорвать созданную им преграду, но тогда он сразу о многом догадается, а нам это ни к чему. Идем, моя дорогая. Я уже придумала, как нам поразвлечься.

Она повела меня в комнату англичанина, из-за двери которой снова слышался громкий храп. Прежде чем открыть дверь, Элизабет повернулась ко мне – истинная богиня, чье величие довершал золотистый блеск ее наряда. Протянув руку, она чуть коснулась моего воротника и, следуя его очертаниям, опустила пальцы ниже, дотронувшись до моей шеи, а затем и груди. Ее прикосновение мгновенно воспламенило меня.

– Сегодня наш гость слабоват, – произнесла она, кокетливо наклонив голову и сверкнув на меня глазами, полными

желания. — Но, думаю, ты все-таки сможешь ненадолго приложиться к нему.

Я не так хотела англичанина, как ее, мою Элизабет, и уже намеревалась сказать ей: "Нет, давай лучше пойдем к тебе и проведем день в твоей постели". Но я опоздала: Элизабет толкнула дверь и вошла.

Мне не оставалось ничего иного, как последовать за ней. Нет, сегодня меня не мучил голод, хотя не могу сказать, что вчера насытилась полностью. Я двигалась неторопливо, попутно раздумывая, кем является этот вчерашний девственник и как он очутился в нашем захолустье. Пока я шла, мне раскрылся еще один обман Влада. Думаю, вместо охоты он несколько раз ездил в Бистрицу отправлять письма. Иначе как бы здесь появились и Элизабет, и этот англичанин?

Мой путь к кровати со спящей жертвой пролегал мимо бюро, на котором аккуратными стопками были разложены какие-то бумаги и письма. Самый верхний лист, привлечший мое внимание, оказался юридическим документом. Он был составлен неким Питером Хокинсом, эсквайром, и подписан "графом" В. Дракулой.

— Вот оно что! — воскликнула я, взглянув на похрапывающего англичанина.

Видимо, во сне ему стало жарко, и он наполовину откинул одеяло. Разбудить его я не боялась: Элизабет научила меня, что нужно делать, дабы никто (включая Влада) меня не услышал.

– Оказывается, наш юный гость – стряпчий, нанятый неким Хокинсом для заключения сделки между ним и Владом.

Предвкушая неожиданную забаву, Элизабет быстро подошла и встала рядом со мной. Пока я просматривала одну стопку бумаг, она занялась второй. Затем ее внимание привлекла изящная тетрадка в кожаном переплете: вне всякого сомнения, то был личный дневник англичанина.

– То ли он пишет на неизвестном мне языке с какой-то дикой азбукой, то ли пользуется шифром, – произнесла она через некоторое время. – Правда, имя свое он написал вполне понятно и разборчиво: Харкер. Джонатан Харкер, эсквайр.

Я почти не слушала ее. Обнаруженные и прочитанные мною бумаги были несравненно важнее какого-то личного дневника. Я ощущала себя Савлом, ослепшим по дороге в Дамаск⁸. Зрения, правда, я не лишилась, но не удивлюсь, если мои глаза стали от гнева такими же красными, какие недавно были у Элизабет.

Теперь я поняла, что англичанин понадобился Владу не для утоления голода. Его появление в замке было связано с куда более зловещей целью моего "доброго дядюшки" – перебраться жить в Англию.

Полвека назад Влад клялся мне, что увезет меня из это-

⁸ Имеется в виду известный библейский сюжет о гонителе христиан Савле, пережившем колоссальное душевное потрясение от открывшейся ему истины (см. Деяния апостолов, глава 9).

го гнусного захолустья в бурлящий, полный жизни Лондон. Сначала нашим замыслам мешал мой брат Аркадий, а затем и его подросший сынок, этот проклятый Ван Хельсинг.

Итак, Влад не отказался от мысли переселиться в Англию. Изменились лишь условия – теперь он намеревался бросить меня здесь погибать от голода. Иначе зачем бы ему понадобилось запечатывать своей идиотской магией входную дверь?

Я повернулась к Элизабет, размахивая бумагой.

– Вот, полюбуйся! – прошипела я. – Знаешь, что это такое? Купчая на жилье в Англии! Влад втайне от меня купил там дома!

Меня душил гнев. Элизабет, наоборот, сохраняла полную невозмутимость. Она дочитала бумагу, которая была у нее в руках, затем принялась изучать ту, что держала я.

– Так... Парфлит...⁹ Это в окрестностях Лондона... А здесь Пиккадилли. Самый центр города.

Я тяжело опустилась на стул с выцветшим парчовым сиденьем. Элизабет подошла сзади и нежно обняла меня за плечи.

– Значит, ты только сейчас узнала о его приобретениях? Сам он ничего тебе не говорил?

Я покачала головой. Элизабет вздохнула.

– Дорогая моя Жужанна... По-моему, он собирается оста-

⁹ Городок на берегу Темзы (графство Эссекс), в прошлом – восточное лондонское предместье, нынче практически входит в пределы Большого Лондона.

вить тебя здесь.

– Мерзкое чудовище! – содрогаясь от ярости, выкрикнула я. – Он решил бросить нас с Дуней здесь, чтобы мы от голода рассыпались в прах! Он решил уничтожить нас. За что? За нашу многолетнюю помощь и преданность?

Элизабет присела на корточки и обхватила мои колени.

– Жужанна, клянусь тебе, у него ничего не выйдет. Я давно раскусила его замыслы и придумала достойный ответ.

– Он с такой же легкостью предаст и тебя, едва ты восстановишь его силы.

– Влад уверен, будто я приехала помочь ему. Нет, на самом деле я здесь для того, чтобы освободить тебя.

Услышав это, я обняла Элизабет. Из моих глаз хлынули слезы – настоящие, горячие слезы.

– Элизабет, дорогая! Как же ты бесконечно добра ко мне!

Наше объятие было столь крепким, что когда мы разжали руки, то непроизвольно вздохнули.

– Нет, Жужанна, мне еще предстоит показать тебе свою настоящую доброту, – сказала Элизабет. – Единственное, о чем я прошу, – чтобы ты полностью мне доверяла.

– Можешь не сомневаться. Но как ты собираешься осуществить задуманное? Нам не выбраться из замка.

– Терпение, моя дорогая. Только терпение. Когда настанет благоприятное время, мы легко покинем эту каменную клетку.

– Мне не дожидаться! – крикнула я и топнула ногой, словно

рассерженная маленькая девочка. – Почему бы нам не убить его прямо сейчас? Элизабет, ты же такая сильная. Разве ты не можешь уничтожить его и освободить нас всех?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.